

Поэль Карп

ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА

1966 – 1985

Петербург

Поэль Карп

ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА

1966 – 1985

Петербург
2013

УДК 82.14=161.1
ББК 84Р1-5
К26

Поэль Карп.
Выражение лица. Стихотворения. – СПб.,
2013. – 192 с.

ISBN 978-5-98709-665-9

© Поэль Карп, 2013

Противовес

1966 - 1970

***

Затянет сызнава туманом
избу и улицу, и вновь
сочтешь заведомым обманом
вдруг оскудевшую любовь.

В каких предвиденьях постылых
искала выхода тоска?
Что это – я понять не в силах –
березы или облака?

Ложится лунное сиянье
на опустевшее село,
но не уносит расстоянье
того, что время принесло.

***

Сонный город качается в море,
фонарями скупыми горя.
Что судьба нам увидеться вскоре,
мы, однако, поверили зря.

Лишь река вдохновенно-слепая
на гранитный ползет парапет,
у беспмятных плит вырывая
утешенье, которого нет.

Окуну в нее давнюю тяжесть
на меня навалившихся зол
и внезапно поверить отважусь,
что конец ожиданью пришел.

22.05

***

У нас в гостях московские поэты,
уже они воспеты и запеты,
их имена слетают с влажных губ,
и рады москвичу или москвичке,
мы скачем, изменить боясь привычке,
к семи часам в наш захудалый клуб.

Сверкает злоба и лучится слава,
по-прежнему блистает Окуджава,
однако раскрасневшийся народ,
набавить силясь уровень прилива,
на этот раз довольно справедливо
Самойлова любимцем изберет.

А он в середине возраста земного
поэта нам изобразит иного,
хоть о себе самом ведется речь:
«Полковник Пестель сыплет соль на раны.
Чего их слушать, - все они тираны,
а женский пол, однако, стоит свеч!»

О как же все на этом свете зыбко,
и почему пленительна улыбка
в том самом месте, где скулит печаль?
Он не при чем, он вышел за кого-то,
и не его, насмешника, забота,
что нам его ни капельки не жаль.

Конец. Тускнеют люстры. Пусто в зале.
Но разве мы до этого не знали,
что смотр новинок пахнет стариной,
а снится нам всегда одно и то же?
Но стоит им приехать, и – о, боже –
мы поспешим на зов очередной.
22.10

***

В степи, дотемна пожелтелой,
куда забредешь наобум,
младенчество, - что с ним ни делай, -
сейчас же приходит на ум.

Вот прожили век бестолково,
а смотришь – травой поросло
лишившее отчего крова,
вошедшее в кровь ремело.

Но чем оказались мы правы,
и что нам за случай помог,
не скажут пожухшие травы,
притихшие нынче у ног.

26.12

***

Ты только видения эти
не ставь со вчерашними в связь,
как будто и не жил на свете
из грязи поднявшийся князь.

А был и хитер ведь, и складен,
и ведал, как брать города, -
вот разве умается за день,
а то бы совсем хоть куда!

Иные наставить народы
сберется, как вещей Олег...
Ненадолго старятся моды,
а годы проходят навек.

11.01

***

Мой дрозденоч, мой главный бог,
пригвожденный к моей груди,
никогда я понять не мог,
что нас ждет с тобой впереди.

Я по краю дороги шел,
я ловил твой сдавленный свист,
и ложился слабый глагол
на расстеленный белый лист.

А теперь, - отчего бы вдруг? –
повернул от дороги прочь,
и роняю тебя из рук,
и пытаюсь тебе помочь,

и стараясь тебя сберечь
от пустых покаянных фраз,
опостылев, теряю речь, -
но об этом в другой раз.

13.01

***

Отчего и зло берет
и накатывает злоба?
Или требует утроба
трепыханья наперед?

Как живешь, так и живи,
поспешай по первопутку,
обратить умея в шутку
злоклучения свои,

то есть, сам себя теряй,
не жалея, что пропало
накопленье матерьяла
на последующий рай,

и навек оторопел
на исходе бедных будней,
будь беспечней, будь беспутней,
одолей минутный гнев.

11.04

***

Как всегда, провожаю до места,
продолжаю былую игру,
и, зачем – самому неизвестно,
чьи-то руки руками беру.

Как положено, радость земная
заслоняет пробелы небес,
но, с давнишних времен это зная,
все равно меня мучает бес.

Он водичку, толченную в ступке,
преподносит с ухмылкой досель, –
мол, свои объясните поступки
и какую поставили цель?

Ну, а если без смысла и цели,
не хотя никого обмануть,
ненароком уткнушь на панели
в чью-то рядом поникшую грудь?

8.05

***

Довольно неумело
и несколько спеша
вдруг выпорхнет из тела
бессмертная душа,

как маленькая птица,
одолевая страх,
пойдет она носиться
в холодных небесах.

Ну, что б в минуту злую
ты пособил, господь,
сыскать свою былую
отверженную плоть,

и внял чужому страху,
и дальний зов постиг,
и дал почти что праху
опомниться на миг.

28.05

***

О, как же мы добры по временам,
и, позабыв приверженность атакам,
сколь снисходительны к поносным вракам,
где не на шутку достается нам.

А клеветник кругом несправедлив
и понапрасну лезет вон из кожи,
однако же мы с ним настолько схожи,
что рады разделить его порыв.

Мы в глубине души с ним заодно
и обличать самих себя готовы,
но обстоятельства настолько новы,
что резать правду-матку не дано,

и вяло споря с неизбежным днем,
презрев сей мир,
сей дивный дар природный,
мы Чингис-хану с бомбой водородной
грядущее планеты отдаем.

25.06

***

Не могу поверить слуху –
за спиной гогочет зал:
«Глянь-ка, взялся за старуху!
Глянь, кобылу доканал!».

Говорят, что в этом сила.
Впрочем, то-то и оно.
Да и чем тебя купила
горечь польского кино?

Ты повсюду стал, как дома,
меришь путь судьбой своей
от китайского погрома
до немецких лагерей,

и пускай ты нынче не пил,
ты узрел в иных мирах,
что почти как польский пепел
разметало русский прах.

Начиналось гоготанье
наглым топотом сапог,
и унять его с годами
по добру никто не мог,

скачет гогот по орбите,
память сбрасывая с плеч.
Не сказать: остановите,
под копыта разве лечь?

29.07

***

Ты услышал раньше срока
прозвеневшую вдали
песню робкого барокко,
эхо выжженной земли,

звук земного перелома,
возвещающий скорбя,
что не все, должно быть, дома
в эту пору у тебя.

Пусть ты вышел из Бедлама,
розовеют по утрам
закрома людского срама,
рынок, ратуша и храм,

и толпа бредет немая,
побросав постылый труд,
видно, тоже понимая,
что чего-то нынче ждут.

30.07

***

Уже который год
нескладной этой связи,
где, что на ум нейдет,
вылезит в дерзкой фразе.

Уроки давних лет,
как будто небылица,
и нам охоты нет
на опыте учиться.

Едва замкнется круг,
припомнишь на мгновенье
то целованье рук,
то плеч прикосновенье,

былые времена
привычные к потерям,
где ты мне неверна
и я тебе неверен.

Изъять бы эти дни
из давешнего плена,
но сердцу не сродни
такая перемена.

И оттого молчим,
что открывать не надо
особенных причин
для нового разлада.

18.08

***

Все начиналось очень просто
в сырую утреннюю рань,
ограда сельского погоста
обозначала эту грань,

уже открытая могила
вблизи знакомого села
сухую плоть его вместила
и смутный дух его взяла,

печаль, как должно, выступала
из подобающих примет, -
вот, говорят, его не стало,
ну, то есть, нет его как нет.

Еще соседи, сбившись сворой,
глядели вниз по одному,
еще собрат, на это скорый,
мог выговаривать ему.

За то, что плоть была распята,
за то, что долг ближний путь,
он осудил его предвзято
и не сочувствовал ничуть.

А тот, отторгнутый далече
за то, что дерзок на язык,
на обличительные речи
и отвечать-то не привык.

Но вот расправилась сутулость,
чуть вырос холмик земляной,
и стали сетовать на дурость,
прикрывшись каменной стеной, -

мол, говорили, дескать: Ратуй
за свой наглядный интерес!

.....
Но за кладбищенской оградой
он вдруг вознесся и воскрес.

20.08

***

Начинаются процессы.
Это медленный процесс.
По словам привычной прессы
это все еще прогресс,

то есть, наши интересы
охраняются опять.
Начинаются процессы.
Впрочем, стоит лишь начать.

31.08

***

Ты нынче пляшешь хоть куда!
А что как будет хуже?
Напрасно, что ли, провода
натянуты снаружи?

Они свершат свой скорый суд
в полночной передаче,
и утешенье принесут –
пусть хуже, да иначе.

Поможет утренняя тишь
дождаться приговора,
и «хуже некуда», глядишь,
сорвется слишком скоро.

31.08

***

Занимались во мгле купола,
колыхались дубы вековые,
накануне сожженный дотла
этот город горел, как впервые.

Я глядел на мгновенный пожар,
перебравшись на низменный берег,
и не то что от страха дрожал –
лишь гадал о возможных потерях.

Но застрять в заповедном краю
не судьба мне была, поелику
сатанинскую гордость твою
приспособили к постному лику,

ты на это потратился весь,
растворился в огне без остатка,
и не трогала поперву весть,
что своим оказалось несладко.

Бьют часы и гудят голоса
над руинами старой застройки,
воскресает былая краса,
иссякают былые уроки.

Что ж, как водится, стой на своем,
только новой беды не накликай,
храм, восставший над старым кремлем
при слияньи Псковы и Великой.

18.09

***

Не кляни худую осень,
не стирай внезапных слез, -
не такое мы выносим,
и не примут их всерьез.

Если даже то оплачем,
чем оплачена земля,
никуда себя не спрячем,
трогать листья не веля.

А зачем свое богатство
расточает старый клен,
и не пробуй докопаться,
коль не ведаешь с пелен.

27.12

***

В конце зимы находит буйный страх,
и рыжий телефон звонит некстати
до полуночи о поденной плате
и до рассвета об иных мирах,
и сырый дух поносит нищий прах
и торопливо понукает чудо:
беги, беги, не замели покуда,
покуда не загнали, как лису,
что нас манит и в руки не дается,
у присмирившего землепроходца
век оставаясь, как бельмо в глазу.
А прежде ночевали, где придется,
и только тяжелели голоса,
когда пустая вера в чудеса
от верной смерти разве и спасала.
Нам этого, однако, было мало:
возобновлялась странная пора,
вдруг поступать решившая сурово,
чураясь брани, равно как добра,
без лишней крови нас лишая крова.
И не дано спасенья от чудес
в том, кто бежит тебе наперерез,
как будто понимая с полуслова,
и разом отрекаясь от бывшего,
(от давнего сиротства и родства
той жалкой влагой, что течет по древу
покорна эолийскому напеву),
и преступив пределы естества.

27.12

***

Так не проходит, значит, даром
смешная робость первых встреч?
И что бы встретившимся парам
тогда же нас предостеречь!

А то достанет разве духу,
чужим прикинувшись сперва,
бесстыдно радоваться слуху,
что ты и впрямь еще жива?

В какие, выяснить бы, сроки
проходит давнее родство?
Но продолжения жестоки
и бесполезно мастерство.

А если выпренившему складу
перечит будничная явь,
ты со щеки сотри помаду,
но след пожизненный оставь.

22.02

***

Встреча вечером в вагоне
не сулит еще хлопот,
это дым на перегоне
вдруг конец тебе кладет.

Ты не вздумай лишь обиды
ей выкладывать скорбя,
словно впрямь какие виды
у нее есть на тебя.

Ведь пока не станешь старым,
откровенно говоря,
все ведь счастье в том, чтоб даром
жизнь отдать – отдать зазря,

без особого расчета
и надежды на успех,
а не то чтоб за кого-то
иль, по крайности, за всех.

Коли жаль своих сокровищ,
что держать их под рукой?
Не жене ты их откроешь
и не женщине другой,

разве только первой встречной
что-то буркнешь невпопад,
вдруг польстившись на беспечный,
бессердечный, жадный взгляд.

24.03

***

Ты говорил, что строй стиха
в своих космических разрядах
наладил жизненный порядок, -
и потому душа тиха.

Однако, властный совладать
с огнем стиха, но не стихии,
ты силлогизмы брал такие,
как брал затворник благодать,
как утешенье ты их брал,
взалкав гармонии извечной.

Но вспых чахотки скоротечной,
но вечный в памяти провал,
но окружающее зло, -
ужели сон дурной всего лишь?

Зачем же загодя неволишь
считать, что бедствие прошло,
и ждать рассвета вдалеке,
где жизнь должна образоваться
под солнцем за листвой акаций,
за старым дубом на лужке?

25.03

***

А тебе, в пальтишке детском,
дове́дется разве вновь
этак встретить на Кузнецком
стародавнюю любовь?

Ничего тогда не делай,
даже вслед ей не гляди,
словно капор этот белый
не стучал в твоей груди.

Вот и выдохлась отрава,
и пропала благодать,
ей налево, мне направо,
что об этом толковать?

Ничего не остается
от пустых твоих затей,
и не видно больше сходства,
и ведь не было детей.

Да и что тебе за дело,
завернет она куда,
если все, что отгорело
в те далекие года,

протянулось в жизни длинной,
нам отрезанной с аршин,
белым следом по Неглинной
под колесами машин?

5.04

***

Ты не попусту схватился
за испытанное встарь, -
для истории российской
этот город – календарь.

Аполлон и Артемида,
охраняя Летний сад,
не хотят подать и вида,
что глаза твои блестят.

Был сперва невинно-розов
учинитель крайних мер,
словно Дмитрий Каракозов
с Гриневицким, например,

Каракозов, Карамазов, -
вечно слышен давний клич,
город кровью перемазав,
сласть палачества постичь.

От рождественской купели
до кутьи – как учит бог –
отпускается в апреле
тяжесть мартовских тревог,

тягость зимнего бессилья,
затопивший душу страх, -
и летишь, как будто крылья
вырастают на плечах,

а кругом чужая злоба
шебаршит в кромешной мгле, -
потому и смотришь в оба,
что творится на земле.

***

Теперь в строю едином
осталась лишь одна
меж Прагой и Пекином
свободная страна.

Не надобно отваги
нам нынче, говорят,
чтобы порядки в Праге
крыть на пекинский лад,

и сколь угодно часто
вольны мы, например,
пекинское начальство
на пражский крыть манер.

И в Праге и в Пекине
осесть мы можем впредь,
мы только посредине
не можем усидеть.

23.06

***

А я не понял, что держусь за дверь
к открытому пресуществленным знанием,
или, точнее, понял с опозданием,
и с той поры страшусь таких потерь.

Все упустить робею шаткий миг,
когда пустая рушится преграда,
а притворяюсь, будто и не надо
мгновенной жизни, счастья на двоих.

И плачусь травам, сетую снегам,
что не расторглись зыбкие границы.
Я в неразумье рад потом виниться
и, как в романах, припадать к ногам,

но тут и ты становишься горда.
О, коль виденьям возвращаться впору,
давай вернемся, что ли, к разговору,
который не окончили тогда.

11.12

***

Ложатся наземь хлопья,
деревья гнут в дугу, -
но что-то есть холопье
в слежавшемся снегу,

лишь падающий с неба,
летающий с высоты,
он годен вместо хлеба,
когда столы пусты.

И горше нет обмана
для выжатых сердец, -
казалось, это манна,
и вот всему конец.

20.12

***

Отдышись, посиди перед книгой,
назови ее Эммой, Ядвигой
или как-то еще похитрей,
посиди, поскули с ней несмело
перед тем, как отдать ее тело
равнодушию диких зверей.

Они рвать ведь не станут бумагу,
что ж терпенье ей брать и отвагу,
чтобы выйти на старый развал,
чтобы ей догадаться, дознаться,
отчего, не рядясь в святотатца,
ты ее так мудрено назвал.

Не под именем собственным, впрочем,
мы от века рядим и пророчим,
ибо мы это вовсе не мы,
а сплетение петли и плети,
прозвеневшее в танковом лете
и в кострах безголосой зимы.

Ты прослыть не старайся рапсодом,
называй это все переводом –
мол, не я, да и впрямь ведь не я,
ибо плоть характерна немалым
соответствием с оригиналом,
только кровь почему-то моя.

13.01

***

Пока стоишь пред башней Гедимина,
еще ты вроде выглядишь невинно,
внемли же беспокойным голосам,
и в том, что ты в Литве удостоверься,
хоть не впадай в заведомую ересь,
но говори о том, что видел сам.

А видел ты помершее величье,
однако не общипанное, птичье,
но добровольно сброшенное с плеч.
Его роняли, превосходно зная,
что предстоящее – тщета земная
и провиденью нечего беречь.

Все вышло в срок,
но что-то – раньше срока,
и на безверьи держится барокко,
которым прикрывается Литва,
вы, если покопаться, в нем найдете
веселый голос человеческой плоти,
в нем дух господень теплится едва.

И лучше ты, приятель, приготовься
понять заботы юного литовца
и этого, ну, как бишь там его,
кто по водам ступает неумело
и, хоть не миновать ему расстрела,
расстреливать не станет никого.

2.03

***

И не то, чтобы прав,
и не то, чтобы лгу –
просто прячу в рукав
то, что стынет в снегу.

Вопреки острьякам
размыкается круг, -
хоть пойти по рукам,
но отбиться от рук.

Это крик нутряной,
не затихший досель, -
чтоб остаться одной,
ляг в чужую постель.

Нужно друга найти,
чтобы жить одному,
чтоб не сбиться с пути,
сесть бы надо в тюрьму.

Ты смотри, человек,
что за мудрость постиг, -
чтобы выжить навек,
издыхай сей же миг.

2.03

***

А ты теперь напропалую
пойдешь крушить, что станет сил,
спасешь восторженность былую
и обкорнаешь то, чем жил,

ты после сам про это споришь,
бывает муторно тебе,
и остается вечно горечь
на перекошенной губе.

Здесь антитеза паразитства
сулит исход из тупика,
а в ней ведь тоже отразится
желанье жить наверняка,

но под личиной лицедейства
свое достоинство храня,
уразуметь и не надейся,
зачем безумие огня.

29.04

***

Не пагубна ли искренность?
Стоит она стеной
за все, что только числилось
нелепого за мной,
за хрупкие мновения
напрасного терпения.

А помнишь, на собрании,
застрявшем допоздна,
ты чувствовал заранее,
что явится она,
усталая красавица,
и рядышком усядется.

Она иль только тень ее,
отчасти или вся, -
какое тяготение
Ньютон открыть брался?
Ты отстранись, как водится, -
ан вновь дороги сходятся.

Сперва сама прилепится,
потом сама уйдет,
и тянется нелепица
уже который год, -
как не погладить сызнава
звереныша капризного?

О, давняя зависимость,
иль, взяв меня в полон,
уже она возвысилась
до выпренных имен,
зависимость от женщины,
с которой мы не венчаны.
8.05

***

О, тягостные вины
невыполненных дел,
не сдюжил половины,
не сладил, не сумел,
не вытащил, не вышло,
а все казалось – вот
поворотится дышло
на полный оборот.

В какую же забиться
нечаянную щель,
чтоб, как отцеубийце,
не каяться досель?
Еще в какие дали
тебя погонит ночь,
чтоб в окнах не стояли,
кому уж не помочь?

Едва ли ты впервые
уразумеешь тут,
что умерли живые,
что мертвые живут.
Хоть даже остановим
постылый бой часов, -
ты наперед виновен,
что уцелеть готов.

31.05

***

Исконное право былого –
пройти по забытой тропе,
но разве случается снова
на это решиться тебе?

Тогда мы бесхитростно жили,
себе не искали пути,
и, даром, что вместе кружили,
друг друга робели найти.

И страх, или стыд, или жалость,
сегодня позволяют едва
припомнить, как ты улыбалась
в той жизни не раз и не два.

20.06

***

Когда влечет неудержимо
схватить господню благодать,
о положениях режима
отнюдь не стоит забывать,

из наспех скомканных тетрадок
изъять бы несколько страниц,
в сердцах нарушивших порядок,
нам пасть предписывавший ниц,

и не казнясь напрасной злобой
и приснопамятной тоской,
признать усиленный, особый
и знает бог еще какой.

Не оттого ли будешь смелым
и волю дашь своим страстям,
что если сгнуться надо в целом,
то не спасешься по частям?

12.07

***

Неизвестно когда и неведомо где
это было со мной не однажды, -
я стоял по колена в проточной воде
и не ведал спасенья от жажды.

Золотая удача из самых удач,
что я знал это в самом начале.
Говорили мне рыбы, как люди: не плачь,
ну, а люди, как рыбы, молчали.

Я на небо глядел, а на небе опять
наважденье сулила комета,
и все, помню, хотел что-то громко сказать –
ведь не вечно продолжится это.

Понимал наперед, - жить своим бы трудом,
да в своей помереть бы постели,
а слова говорили совсем не о том
и не этого вовсе хотели.

13.08

Армения

I

В Тифлисе шумном и веселом,
где не кончается вино,
армянским горестным глаголам
судьбой пристанище дано.

Хоть не хитра твоя обитель,
тут не житье, а благодать,
но коли впрямь ты сочинитель,
тебе спасенья не видать.

О вседержительные твари,
до чуждых падкие небес,
втолкуйте ротмистру Пригаре,
что не опасен Ованес.

А он опасен, он опасен.
«Он как чума!», «Он как дурман!», -
итог невинных этих басен –
самосознание армян.

Когда соседняя громада,
шалея, ринется на них,
спасут орлы Сардарабада
простой и прямодушный стих.

Не потому спасут, что некий
благословенный пробил час,
а потому, что ты навеки
их от беспамятности спас.

2.10

II

Мы не спали, мы просто лежали
и спросонья глядели в окно.
В угодившем под дождь Дилижане
было тихо, тепло и темно.

По соседству торчала вершина,
подпирая плечом облака,
но ведь это еще не причина
на долину смотреть свысока.

Мы не спали, мы знали заранее,
что пленительно будет в гостях,
и, однако, в рассветном тумане
зачаровывал каждый пустяк.

А на пиршестве сытом и пьяном
и немислимом даже дотоль
я завидовать начал армянам,
не скрывающим давнюю боль.

О нелепая заповедь детства, -
не выказывать слабость свою,
а ведь как хорошо разреветься
в каменистом и жарком краю,

не выпрашивать, что ж это значит,
что полночи без сна пролежал, -
только слушать и слушать, как плачет
угодивший под дождь Дилижан.

15.10

III

А нам допивать бы не надо вино,
авось не обидим хозяев,
добру и радушию жить суждено
и в розовой дымке растаяв,

пускай обратимся мы даже во прах,
даренье души сохранится,
и все-таки где-то останется страх
от мысли, что рядом – граница.

Отнюдь не нарушат природной красоты
нагими столбами своими
четыре колючих ее полосы
да беглый прожектор за ними.

А там, за рекой, ни столбов, ни солдат,
ни псов, ни огней, ни строений,
а только огромный седой Арарат,
как некий отверженный гений,

да в оные годы отторгнутый берег,
вобравший в себя, как могила,
и тьмы убиенных, и жалкий ковчег,
и все, что до этого было.

Умеришь ли горе, отмщеньем грозя
убийцы безвинному сыну?
Но пусть ничего переделать нельзя,
мы долго глядим на вершину.

19.10

***

Солнце скрылось за крышей соседней,
объявляя нам все наперед,
то есть, нам от несбыточных бредней
избавляться приходит черед.

Проницательный ум святотатца
наставляет на истинный путь
и велит от тебя отступаться,
чтобы в пропасть тебя не стянуть.

Нам бы встретиться раньше, да где там,
да и как догадаться тогда?
Это давешним солнечным летом
прогорели пустые года.

30.10

***

Какой он, к черту, нелюдим, -
и пожалеешь снова,
что, притулившись рядом с ним,
не вымолвил ни слова

в пустынном клубе в поздний час,
устав от вечных прятков,
а на концерте было нас,
ну, почитай с десятков.

О, нет, не знаменье, не знак,
и попусту не силься
понять, что сделал Пастернак
с поэзией российской,

кому дорогу проторив,
рискнул внезапный гений
скрепить случайностями рифм
непрочность впечатлений

и ассонансами связать
шальных догадок стаю,
свою вверяя благодать
попутному трамваю.

Неслись в ночную темноту
костры его созвучий,
и откровеньем на лету
дарил счастливый случай.

1.12

***

От стыда не подняв головы,
обхожу стародавнюю славу,
где по случаю или по праву
благолепно немотствуют львы,

ибо город, избавивший нас
навсегда от жары и от стужи,
неожиданно смотрит снаружи,
словно что-то в нем есть про запас.

Поначалу уверуешь: есть!
Но душа, как известно, незрима,
а под аркой, по образу Рима,
серым волком свирепствует месть,

и лепнина рустованных стен
несуразное что-то лепечет,
означая лишь чет или нечет
одичанья имперских систем.

Иль не Пименов нынче ведет
к бессловесно-державному благу,
где шагнуть невозможно и шагу,
не задев триумфальных ворот,

разевающих каменный рот,
словно жадную глотку победы,
навлекающей лютые беды
на ее одержавший народ.

5.04

***

Итак, не будь упрям
и делай, что полезней,
хоть странно по полям
гулять после болезней.

Иль ты затем был сир
и корчился от боли,
что открывался мир,
неведомый дотоле?

А он, презревший ложь,
которой боль чревата,
как водится, похож
на брошенный когда-то,

в котором в оны дни
смятения и жажды
бедой своей родни
ты сделался однажды.

Уверуй в ход вещей,
причисленный к их лику,
едва лишь царь Кащей
вложил свою толику,

и оставляй, не взяв
последних даже взяток,
следы пустых забав,
где жизни отпечаток.

20.04

***

Если время простить и проститься,
так меня ты прости и прощай,
а не то, как бескрылая птица,
и примерзнуть могу невзначай.

Напоследок чего пожелать бы –
и без нас разумеет народ:
заживет, коли сможет, до свадьбы,
а ведь после когда заживет?

Не шуми и не спрашивай, кто ты,
для чего ты и веришь кому,
вырывая слова из дремоты,
окунающей тело во тьму,

и в труде не таком уже редком,
где река обращается в речь,
не мешай доживать своим предкам
и потомкам своим не перечь.

6.05

Защита

1970 - 1972

***

Счастливым на дружбу до гроба,
хоть гроб-то не ждал до седин,
он, как бы ни славил злорада,
сражался один на один,

один по своей подорожной
катил в непроглядную тьму,
где сон во плоти непреложной
не вдруг доставался ему.

В холеру затерт карантинном,
глядишь, и обрел благодать, -
по самым достойным причинам
тогда не смогли помешать.

А только за нежитой далью
ведь даже и тем был хорош,
что взял себе в жены Наталью,
как ты никогда не рискнешь.

И знаю, живым сохранила
покойника русская речь
за то, что сидела в нем сила
на миг остальным пренебречь.

9.09

***

Андрей Данилов, превосходный парень,
внезапно призван был к военной службе.
Оно, понятно, было не внезапно,
он понимал, что подступает возраст,
и все же получение повестки
напоминало гром среди зимы.
Была война. Повестка означала
не просто долговременный отъезд,
конец сентиментального романа
и перерыв в науках. Шла война.
Повестка означала отправленье
на линию огня, а где огонь,
там и сгореть недолго. Хоть Андрей
был не таков, чтобы себе признаться
в своем отчаянье, он приуныл.

Его приятель Рома Камионский
еще играл в ту пору на рояле,
а не был осужден за дезертирство,
и вот они вдвоем по целым дням
сидели в вестибюле за роялем,
который было некуда поставить,
и занимались Гайдном. Вот ведь тоже,
не Вагнером, - однако не Чайковским,
а Гайдном, - кто он был, поди пойми:
австриец, то есть, немец, или русский,
поскольку с примесью славянской крови
и меланхолией славянских песен.

Они играли Гайдна. Но Андрей
был не похож на Рому, - Рома громко,
открыто говорил: хочу играть,
и вам не откажусь играть на фронте,
коль сыщется рояль. Пускай стреляют,
я не боюсь. Мне только бы играть,
за клавиши держаться. За винтовку

держаться я не буду, хоть убейте.
Ну и убили. Было очевидно,
что не хватает зрелости гражданской.
Андрей же был куда благоразумней
и, более того, он понимал,
что искренность такая неприлична,
когда на фронт уходят все ребята
и страшно всем, и каждый сознает,
что выжить шансов мало, но другого
и способа нет выжить, если «выжить»
мы понимаем в смысле «жить, как жили».

Навстречу перла черная орда,
считаться не желавшая с желаньем
других людей считать иное нечто,
чем было им приказано считать.
Андрей чистосердечно ненавидел
их танки, их повадки, их настырность,
их твердокаменность; он им желал
позорной гибели, хоть часто думал
о тщетности усилий человека
одним ударом опрокинуть зло
везде и навсегда. А тут – призыв.
Понятно, дезертирство исключалось,
понятно, исключался и отказ
от исполненья воинского долга,
он был готов идти. Он был готов
к тому, что жизнь прервется за порогом
призывной комнаты. И вдруг – не годен!
Идет война, и все равно годны,
чтоб лечь костями и унавозить землю
для будущих побед. А он – не годен,
врач обнаружил в сердце недостаток,
способный при малейшем напряженье
окончиться разрывом, что отнюдь
не обязательно, хотя возможно.

Сперва Андрей не радовался даже,
поскольку Рома был отправлен в часть.
Сперва один сидел он у рояля,
играл уже не Гайдна, а Шопена,
а, впрочем, скоро перестал играть, -
приятельница гордой героини,
считая, что возвышенность нелепа,
когда мужчин так мало, объяснила
ему его нехитрую задачу,
и он вошел во вкус. И понемногу
жизнь потекла обычной колеей.
Он жил. Война кончалась. В день победы
он был уже в Москве и в майский вечер
вместился под шальной шатер лучей,
кативший купол по пустому небу.
Кругом стояла тихая толпа.

Прошло немногим больше полугода,
и был убит историк Грацианский.
Убийцы взяли меховую шапку,
а сам профессор замер на снегу,
держа в портфеле пачку сторублевок
и литерные карточки, в кармане –
старинные часы. Тогда в Москве
орудовали странные бандиты,
стрелявшие в людей не для добычи,
но не умея одолеть привычку
стрелять в людей. Профессор Грацианский
был не единственным. Три дня спустя
зарезали Андрея. Я подумал
не о превратности его судьбы,
но лишь о том, что все-таки могила
останется поблизости от дома,
а не в глухом лесу под Волковыском,
обозначавшим полную безвестность.
Но я ошибся. Кладбище снесли,
был отведен переносной участок,

да заболела мать. К тому же это и стоило недешево. Андрей остался. Минуло пятнадцать лет.

Как рафинад на поле стадиона, стоят пятиэтажные бараки, обруганные нами за уродство, при том, что в них не так уж худо жить, в особенности тем, кому жилья не доставало. Коренной москвич Андрей Данилов был убит случайно. В Москве довольно скоро пресекли подобные убийства. Мне сказали, что ровно ничего не означает его судьба. Какая обреченность? И кто додумался, что смерть в живом подчас не хуже держится, чем в мертвом? Профессор Грацианский был убит шестидесяти лет, когда призыву давно не подлежал, а для инфаркта еще был крепок. Впрочем, и профессор не посвящал нас в дебри тайных мыслей, а уж Андрей, тем паче, никогда.

21.09

***

Открытие сезона – в сентябре,
и, зная расписание заранее,
мы назначаем загодя свиданье,
зачеркивая день в календаре.

А там, хоть за три моря колеси, -
ведь из неведомо какого края
вернешься ты домой, как жердь худая,
и сядешь с зонтиком ко мне в такси.

Итак, мы подступаем к рубежу,
и ты причастна к действующим лицам.
Спектакль давно способен развалиться,
а я стою в кулисе и гляжу.

Пускай судачат все, кому не лень, -
страшиться ль нам пустого говоренья,
коль скоро не сулит нам повторенья
тот, самый первый, тот счастливый день.

Как чуть не тридцать лет тому назад
отходим мы все дальше от Арбата,
а там, где осмелели мы когда-то,
семиэтажки белые стоят.

За сизой дымкой давний твой сезон
приобретает привкус анекдота,
но это больше не моя забота,
а дом, где ты жила, давно снесен, -

в московских переулках не найдешь
другого столь нелепого строенья.
Но я не стану портить настроенье,
тем более, что так доступна ложь,

и потому не отвожу лица
и не ищу спасения от бредней.
Вот разве что пробьет наш час последний,
а то ведь ничему и нет конца.

23.09

***

Мой неопознанный двойник,
читатель всевозможных книг,
писатель оных,
свидетель неподсудных дел,
ты, говорят, собаку съел
в земных законах,

так в меру сил преодолей
кругом струящийся елей
панно и виршей,
да только не воображай,
снять просвещенья урожай
наградой высшей.

Тебе открыто наперед,
чем, оскудев, душа живет
в разгаре споров,
тебе в пример со всех сторон
торчат Батый, Наполеон,
Тимур, Суворов,

но и тебя попутал бес
быть составителем словес
безвестной славы,
хотя, как мир уже стара
весть, что и этого тавра
следы кровавы.

Давай, живи, как бог велел,
не в меру слаб, не в меру смел,
шутник, бродяга,
ходатай по чужим делам,
себе не пособивший сам
шагнуть и шага,

живи, придуривайся, лги,
лезь в неоплатные долги
и трать без счета,
но прячь, как денежку, слова,
и отвечай, что такова
твоя работа.

***

Прости меня город Орел,
мой дед здесь три года провел,
а я себе мимо проеду,
заехать не думая к деду.

Бог знает, какой уже год
мой дедушка тут не живет,
а я все считаю поныне,
что дед мой еще на чужбине.

Давно он вернулся, мой дед,
небрит и небрежно одет,
а мне все по-прежнему снится,
что время ему воротиться.

Вкусив и сумы и тюрьмы,
он умер в начале зимы,
его я не видел в могиле, -
детей хоронить не водили.

Считать я не стану обид,
мой дед в Вострякове лежит,
и все я твержу бестолково,
что родина мне – Востряково.

А кто-то уже говорил,
что родина – место могил,
в которые ныне вместилась
к тебе обращенная милость.

Веди же оттуда отсчет,
коль дед твой в Орле не живет,
считай от заваленной щели,
в которой лежит он доселе.
15.10

***

К чему твердить – одно из двух?
Карьера с честью не боролась
в умах, не выступавших вслух,
но втайне подававших голос.

8.03

***

Учитесь музыке. Упрямо
играйте гаммы по утрам.
Вперед расчисленная драма –
убежище от поздних драм,
она – подобие исхода,
когда, казалось бы, тупик,
и ты все больше год от года
ей доверять себя привык.

Учитесь музыке. Почаще
присаживайтесь за рояль;
глядишь, судьба и станет слаще,
пока играешь пастораль;
и утешеньем обратится
предмет безвыходной тоски,
и упований вереница
войдет в наш быт с твоей руки.

Учитесь музыке. Досада
упущенный отравит срок.
Пускай учительнице надо
платить пятерку за урок,
и не достанет сумасбродства
ронять звучанья напоказ,
но слуха, может быть, коснется
во мгле дрожащий трубный глас.

16.04

***

..... Я посетил впервые
старинное имение Вындомских,
покойной государыни подарок.
Оно стоит, как будто не бывало
ни сотни, ни пятидесяти лет.
Вот разве дом был заново отстроен,
а парк все тот же, а дубы все те же,
и белые скамейки над обрывом,
и наспех затуманеная даль
бескрайнего пространства, и поляны,
обсаженные сонмом старых лип,
и странный привкус вечно старомодной
задумчивости русского дворянства...
О, бог ты мой, чего не вспомнишь тут!
Добро хоть не слышать дворовых девок,
поющих за кулисами куплеты
о душеньках-подруженьках. Сюда
и впрямь он ездил. Но в селе соседнем
он жил, известно, не по доброй воле.
Ему здесь было в тягость. Отчего же
мы почитаем место трудной ссылки
за божий дар? О сладкие картины –
с ним спорит дерптский выученик Вульф,
впоследствии Онегин, и смеется
Прасковья Александровна, позднее
старуха Ларина. Помилуй бог,
как хорошо-то было! Иль и впрямь
сам ход вещей настолько изменился,
что Пушкин – непонятен? Наказанье
мы почитаем словно дар судьбы,
а дар судьбы сочтем за наказанье.

.....
Когда стоишь над Соротью и вдаль
стремишься заглянуть, тебе открыт

не нынешний твой день, не твой грядущий,
но лишь его вчерашний. Отчего же
ты меришь этот день на свой аршин
и только видишь, как луга просторны
и как прельстительно дерзать, когда
за дерзостные подвиги всего лишь
на время отправляют проживать
в наследную деревню, где достаток
не требует забот, и ты живешь
отдавшись самому себе всецело...
Вот что такое наше почитанье
сих дивных мест!.....
..... Однако, каково
ему тут было? У кого из нас
сожмется сердце от его беды
и бесприютства? Кто из нас теперь
не с умилением вовсе, а с обидой
о нем вспомянет?..

16.04

***

В грузинской церкви в Мцхети
стояли прихожане.
Зачем я жил на свете,
я вроде знал заране,
да знанье это сплыло,
как не было совсем,
и я глядел уныло
и недвижим и нем.

В грузинской церкви в Мцхети
так быстро-быстро пели,
как будто люди эти
куда-то не успели,
и, затая в хорале,
обилие забот,
хотя бы ускоряли
нескладной жизни ход.

В грузинской церкви в Мцхети, -
немыслимое дело,
то в пляс пускались дети,
а то струна звенела.
Ах, петь бы, и плясать бы,
и плакать бы под звон,
согласный с духом свадьбы
и духом похорон.

В грузинской церкви в Мцхети
стояло их с десятков.
Минуло лихолетье,
но жребий был несладок.

И, дав прорваться взору
за видимый предел,
их тайную опору
я вдруг уразумел.

29.05

***

Актер, пенявший на судьбу,
что не дала бедняге роста,
до неуверенности просто
лежит в обыденном гробу.

Все так же он как будто мал,
и все же в ящике нет места
для неожиданного жеста,
которым он себя взрывал.

Бывало, щедрый, как король,
теперь он скуп и смотрит волком,
но в эпизоде слишком долгом
поди пойми, что это роль,

поди поверь, что сможешь ты
забыть хотя бы на минуту
вовек не сыгранную смуту
навек отыгранной тщеты.

5.06

***

Неси свой крест и веруй!
Попробуй вдругорядь!
Какой, однако, мерой
ту веру измерять?

Когда ее довольно
окажется уже,
чтоб не было ни больно,
ни горько на душе?

Неся свой крест обычный,
как ни петляет путь,
не жди, что окрик зычный
затихнет где-нибудь,

и, к темени кромешной
приладив тайный пыл,
надменно-безутешный
останешься, как был.

Так вера пусть прервется,
пускай прорвется страх
сонливое уродство
увидеть в зеркалах,

чтоб суетная прелесть
не воздавала впредь
за то, что натерпелись
умения терпеть.

2.07

***

Продается кларнет, и куда обратиться –
обозначено ниже на том же столбе.
Не потрафила, видно, судьба кларнетисту,
кларнетист подрядился играть на трубе.

Что ж, пускай даже так!

Но с чего бы при этом
непреренно приспичило сразу ему
расставаться навек
с деревянным кларнетом?
Вот чего я, по совести, в толк не возьму.

Отчего бы кларнету в шкафу не пылиться?
За него и барыш-то не больно казист.
А таким инструментом не грех похвалиться,
да и сам он отменнейший был кларнетист,

он в столичном оркестре играл свое соло,
и в ту пору ему было все нипочем.
Так хранил бы надежду,
хоть жизнь поборола,
поберег бы кларнет, хоть и стал трубачом.

Кларнетист по-иному загадывал, видно.
Я судить не могу его и не хочу.
Трогать попусту клапаны было обидно,
а с обидой легко ли играть трубачу?

Он и продал кларнет. Даже самую малость
не перечил тому, что решила судьба.
Жил сегодняшним днем.
Принимал, что досталось.
И, не зная пощады, ревела труба.

1.08

***

Листвой завалило дороги,
да золото, видно, не впрок,
а ветви остались убоги,
украсив окрестный мирок.

Вот так и в осенней пустыне
любовь не растет от заслуг,
ты что-то лепечешь поныне,
а ей отвечать недосуг.

Однако, одной оставаться
ей трудно в осенние дни,
и суетность мнимого братства
ее бережет искони.

Бывает нежней год от года,
притерпится вроде вполне,
да к ночи робеет природа,
не смея довериться мне.

2.10

***

Мне снился странный сон. Товарищ Сталин
еще живой. Еще с врачей-убийц
овечью шкуру только что сорвали
и вылезли горбатые носы...
На улице газетные витрины
облеплены толпой, и, отходя
почти что каждый почитает долгом
задеть того, кто это сообщенье
читал, дрожа от страха, словно сам
кого-то отравил или намерен
с утра связаться с вражеским агентом,
взорвать Нескучный сад или продать
Зацепу Берегу Слоновой кости.
Спасенья нет. До светлого апреля
куда как далеко, и нипочем
такое в голову прийти не может,
поскольку власть не делает ошибок.
Быть распятым – прекрасная мечта,
как солнце недоступная тому,
кто должен пеплом стать или истлеть
в овраге, принимающем без гроба
и без речей надгробных. Раз пятнадцать
уже твои подведены итоги
и списаны желания. А ты,
похороненный нынче наперед,
расположился на Тверском бульваре,
где прежде был таировский театр,
и слышишь ровный гусеничный гул,
и видишь танки. Танки на бульваре,
где и пехота строем не ходила!
А громкоговорители твердят,
что воины народного Китая
пришли исправить грубые ошибки,
допущенные местным руководством.

Они пришли как истинные братья.
От Сахалина до Калининграда
они уже везде. Процесс врачей
за недоказанностью обвинений
не состоится. Словом, воскресенье
даровано тебе. Но отчего
тебе приятно видеть, что булыжник,
какой-то ловкой брошенный рукой,
летит в твоих спасителей? И сон
вдруг прерывается.

***

Пока татарка и грузин
в старинном душном зале
великовозрастных разинь
уныло развлекали,
я улизнуть старался,
а бог вернуть грозился
давнишний груз татарства
и давешний грузинства.

Была татарка хороша,
лихой костюм носила,
гитарным ладом шла душа
московского грузина.

Они нам превосходство
явили деловито,
но кто из них спасется
не подавали вида.

А я глядел на них в слезах, -
одолевала жалость,
надежда, стыд за них и страх –
все как-то вдруг смешалось,
и все понять хотелось,
зачем они тут снова,
когда нужна бы смелость
не говорить ни слова.

14.10

***

Кругом брехня! – решил ты от обмана,
сгубившего навек привычный рай.
Хоть в самом деле жизнь брехня сломала,
ты и себе не слишком доверяй.

Где веры нет, там нет и вероломства.
Выходит, хочешь верности – не верь!
Но как мы с верой зло ни расстаемся,
она растет от собственных потерь.

16.10

***

Во сне еженедельных похорон,
бог знает над которым стоя гробом,
не возомни, что ты заговорен
и что тебе идти путем особым.

Когда не хуже, будет как у них, -
сбежится горстка знавших мимолетно,
и плоть твоя отныне – лишь двойник,
а дух твой волен пребывать бесплотно.

О, где ж он будет пребывать в сей час, -
бить людям в нос или витать далече,
покуда, выставляясь напоказ,
они договорят пустые речи?

Не внемля им, я буду нем и глух,
не утешаясь от свербящей боли,
вдруг охватившей одного иль двух
из тех, кто ближе знал меня дотолле.

Оно понятно, - больше нет меня
и никогда не будет, ибо втуне
осталось то, что, дни свои кляня,
я торопился сделать накануне.

Нет, мне не полегчает от бумаг,
еще весьма дотошной ждущих правки,
и от того, что в двух иль трех умах
я задержусь на время для затравки.

Не вечно жить хочу, но коротки
отпущенные нам на дело сроки,
а я всегда, рассудку вопреки,
страх как любил прогуливать уроки.

Когда бы знать сначала, что потом
не рай начнешь вымаливать как милость,
а станешь умолять сведенным ртом,
чтоб жизнь еще хоть несколько продлилась.

16.10

***

Висит чуть криво на стене
портрет немецкого барона,
он озирает отрешенно
меня и что-то шепчет мне.

А я взираю на него,
за ним послушно повторяя,
что не возьмет земля сырая
всего, чем жили мы, всего,

что открывалось нам, пока
мы были молоды, покуда,
как несуразная причуда,
торчала дикая строка.

О, пусть барон был сумасброд
и безрассуден переводчик,
но, что касается до прочих,
то ведь нуждается народ

в том, чтобы загодя смекнуть
сколь плодотворны сумасбродства,
дабы – откуда что возьмется –
мог все же выжить кто-нибудь,

один какой-нибудь из тех,
которых не сочтешь в ту пору,
когда еще и разговору
нет даже в мыслях про успех.

18.11

***

А мы в неведомые выси
летим на лифте скоростном,
покуда сразу весь Тбилиси
не вырастает за окном.

Кура, зажата в граните,
рядится северной рекой,
но вы не верьте, не храните
с собой прихваченный покой,

и не вздыхайте, что неплохи
в предместье виды на скалу!
Отдайтесь гулкой суматохе,
возникшей рядом на углу,

глотаите в лавочке боржоми,
который даром вам нальют,
но не вращайтесь в частном доме
в его торжественный уют.

Тбилиси жив на перекрестке,
и я доказывать готов,
что здесь живут одни подростки
из всех столичных городов,

и мы, быть может, и напрасно,
влюбившись в них, вообразим,
что жизнь воистину прекрасна,
и что на деле я - грузин.

16.12

***

Итак, одеты мы, и нам давно пора,
прощаясь наперед, протискиваться к двери.
Не стоило тянуть, пожалуй, до утра,
да нечего теперь подсчитывать потери.

Ложится первый снег на голую панель,
мы медленно бредем по каменной пустыне,
и ты, скосив глаза, мне говоришь: «Поэль!»,
хоть не звала меня по имени доньне.

Ах милый, ах, родной, ах, бог там знает кто,
тонул с тобой вчера в расщелине подъезда,
выплескивался весь в худое решето,
тебе не знал цены, себе не зная места.

А нынче тянет груз распластанных сердец,
сцепленных невзначай невзгодами своими.
Напрасно вроде все, и этому конец, -
но тут-то я как раз и обретаю имя.

Теперь не я – оно навязнет на губах,
останется бельмом внутри дурного глаза.
Безумье названо, и разговор запах
догадками о том, куда зашла проказа.

Нам лишь бы
на глаза не попадаться впредь!
Что берегли себе, - свидетелям раздарим,
и рады, что живем, забудем разглядеть
границы за спиной оставшихся проталин.

***

Прекрасный дух, разъятый
на части и черты,
какой, не знаю, платой
навек обложен ты,

и кто, приметив эту
земную благодать,
за прежнее к ответу
дерзнул тебя призвать?

Нам сделаться, как дети –
и вся тут недолга,
да жизнь на белом свете
пошла втридорога,

и тянется расплата
до нынешнего дня,
хоть ты не виновата,
что не было меня.

11.05

***

Горизонт заслонили хребты,
этот – глаже, а этот – помятей.
Не такие ли в точности ты
затвердил со страниц хрестоматий?

Не они ли дурманили взгляд
и к себе с малолетства манили,
а теперь среди зноя и пыли
по соседству в натуре стоят?

А теперь пропадают во тьму
их уныло-щербатые лица...
Вот и надо глядеть самому
или впрямь от себя отступиться.

Половина луны над горой,
как топор занесенный, повисла,
и, глядишь, исполняется смысла
наперед обезличенный строй.

17.08

***

Пока дрожит осенний Петроград,
провидя мор и глад, пожар и стужу,
я щель в своем режиме обнаружу
и выскользну наружу наугад.
Не разглагольствуя об общем благе,
не доверяя истины бумаге,
не отнимая времени у тех,
кто, в городские не входя кошмары,
спешит в ненастный вечер, строясь в пары,
урвать доступных каждому утех.

Как сумасброд, я в несуразном бреде...
«Скажи: в бреде, - поправит грамотей, -
до гроба над грамматикой потей
и проводи с Шишковым дни в беседе,
исследуя, настала ли пора
ребятам выходить в инженера,
а то пускай, как прежде, инженеры
они себе зовутся и теперь...»
В эпоху нескончаемых потерь
пристало рассуждать о чувстве меры.

Родной язык! Покуда не проник
я в тайники твои весь до кровинки,
с тобой пребуду в давнем поединке,
а ты, как мой заведомый двойник,
еще никем не узанный покуда,
меня пытаешь ожиданьем чуда,
в котором мы с тобой сольемся вдруг
в едину плоть. Вот именно в едину!
И тут я, как всегда, тебя покину,
хоть не лишусь к тебе простертых рук.

Да как же так? Куда ж без языка-то?
Иль невдомек, что весь ты только в нем,
хоть не гуляешь с ним, как с кистенем,
но он и есть последняя утрата,
последняя... О том и речь идет,
что для тебя язык и есть народ,
и родина, и дом, - все атрибуты,
которые торчат над головой,
и, стало быть, он твой. Он – твой! Он – твой!
Покуда не уляжешься в гробу ты,

покуда весь не вытянешься ввласть,
как бы свершив с ним сызнова то дело,
что перед этим вроде надоело...
Да только не твоя, голубчик, власть
в своей до света вековать квартире.
Звонят! Звонят: один, два, три, четыре...
Звонят, забыв приличие и стыд, -
и падаешь, сглотив язык до срока,
а на дворе осенняя мороза,
и тот же самый дождик моросит.

3.09

***

Царь Агамемнон,- помнись бы пора, -
был беспощаден с ланью Артемиды.
Не вытерпев от смертного обиды,
богиня осерчала, и ветра

в Эгейском море не шумели боле,
переполняя грекам паруса,
и с этого несчастья начался
конфликт, нам смутно памятный по школе.

И все же ты богиню не порочь, -
коль есть виновный, надо ждать расплаты,
хотя казнят не тех, кто виноваты,
и Артемида просит в жертву дочь.

Царь Агамемнон мучится сверх меры,
готовый сделать все наоборот,
однако, жертвы требует народ,
усердно приводя ему примеры,

и царь смягчился. Но его жена,
жестокая царица Клитемнестра,
вломилась, как труба в состав оркестра,
как будто дочка у нее одна!

Царице дочь резать было жалко
для величайших греческих побед!
Так затрещал супружеский обет
и началась в семействе перепалка.

Хоть Артемида, чуть повременя,
всего лишь дочку бросила в изгнанье,
царица, повествует нам преданье,
не пожелала с мужем жить и дня.

Едва лишь царь к полям военных действий
отъехал, от дочерней крови чист,
в его постели спал уже Эгист,
впоследствии замешанный в злодействе.

Итак, убили, стало быть, царя,
поскольку дочь царица не забыла,
хоть если слушать старика Эсхила,
то Агамемнона убили зря.

Сынок его Орест мечтал о мести,
мамашу вслед отцу отправил он,
и братец Артемиды – Аполлон
счел, что Орест все сделал честь по чести.

Эринии, опора матерей,
по старой памяти встревали в дело,
но мудрая Афина повелела
покончить с кровной мезтью поскорей.

С тех пор идет на всевозможных сценах
спектакль о мести сына за отца,
но в наши дни не трогает сердца
печальное обличье убиенных.

«Все хороши! Ну разве что одна
дочурка Ифигения безгрешна», -
наш современник выпалит поспешно.
Но одинакова ль на всех вина?

Царь Агамемнон явно был злодеем,
поскольку по работе был царем.
Но, ежели царей мы перебьем,
какой мы в мире кавардак затеем!

К тому же, дочь он все же не убил,
хотя ее спасение едва ли
есть знак высокой царственной морали, -
скорее: гибкости небесных сил,

и если бы, к примеру, разводиться
решила Клитемнестра с муженьком,
то справедливость, вслух иль шепотком,
сказать могла бы, что права царица.

Что за развод гомеровской порой?
Пусть не развод – разлука! Пусть бы даже
неверную жену схватили стражи,
но мстить не стали б ей Орест с сестрой.

Здесь, так сказать, существенны оттенки,
определяет малая деталь,
кого нам будет жаль, кого не жаль,
когда двоих убийц поставят к стенке.

Вранье, что миром мазаны одним
все люди в мире, все герои в пьесе,
хоть память о всеобщем интересе
мы, как всегда, в сознании храним.

Однако же и общая забота
отчасти есть своя. Пускай любой
для общей пользы жертвует собой,
но не толкает на алтарь кого-то.

А ежели история полна
непреходящих жертвоприношений,
то, очевидно, трагедийный гений
не преуспел в былые времена.

5.09

Единым духом

1972 - 1978

***

С чего бы в полуночный час,
когда бы поспать без помехи,
внезапно заходит у нас
пустой разговор об успехе.

Успех – это значит: успел,
схватил свое время с поличным,
и скопище суетных дел
скрепил оправданьем публичным.

А если дождаться не смог
хвалы, ублажающей ухо,
и только в отточенный слог
вместилась беспомощность духа,

а ежели начисто нет
ни этого самого слога,
ни прочих извечных примет
земного присутствия бога,

но бог пребывает с тобой,
как ты, безнадежно забытым,
то названный глупой судьбой,
то числясь обыденным бытом...

Он поздней порой, как на грех,
тебя изведет, святотатца,
но, может быть, в том и успех,
чтоб тем, кто ты есть оставаться.

26.11

***

Оторопевший ротозей
взирает изумленно:
при входе в Пушкинский музей –
портрет Наполеона.

Не тот, кто весел и курчав
порхал в аллеях парка,
а похититель древних прав
казненного монарха.

В какую ж каверзную связь
вошли тиран и гений? –
гадает публика, страшась
привычных объяснений,

а проходящая в азарт
провозглашает пресса,
что узурпатор Бонапарт –
предшественник Дантеса.

Чего, чего не говорят
любители порядка,
привыкнув бронзу ставить в ряд
и плавить без остатка,

а лицеисту все равно
до гроба будет сниться
в полночной тьме Бородино
и солнце Аустерлица.

20.02

***

Не промолвить бы ни звука,
плыть, как вешний ветерок...
О, нехитрая наука
не соваться поперек!

Вороши очаг бывшего,
где затеплилась душа,
не рискуя вставить слово,
открываться не спеша.

Наклони пониже плечи,
лишь бы пламень не потух,
но, лишаясь дара речи,
ты и сам теряешь слух.

2.03.73

***

В зеленом и сонном Крыму,
где воздух прозрачен и сладок,
спаси тебя бог от загадок,
каких не решить никому,
себя наперед не готовь
к безглазой судьбе, что простерла
свой меч и вопит во все горло...
А, впрочем, совет да любовь!

Сойдись с этой сухостью дня,
плывущей от свеч кипариса.
Когда ж это ты умудрился
забыть, что жила здесь родня?
Спеши, поднимаясь чуть свет,
сдружиться с листвой винограда,
хоть, может быть, лучше не надо...
А, впрочем, любовь да совет!

Морская волна о гранит
ударит с внезапным напором,
а все как о чем-то нескором
ты думал, что смерть не щадит.
Теперь до конца суесловь,
спросить не рискуя названья
того, где твои упования...
А, впрочем, совет да любовь!

Вот если бы просто тепла,
ну, чтобы в костях не ломило,
да разве отступится сила,
которая жизнь отняла?

Хоть валит волна парпет,
и брызжет свидетелям в лица,
и вновь обмануть не страшится...
А, впрочем, любовь да совет!

25.03

***

Твои скоротечные дни
проходят нелепо.
Очнись и отважно взгляни
на черное небо.

Сверкнула там, что ли, звезда
из дальнего края?
А, может, ползут поезда,
закон попирая?

Ползут по изгибу небес,
как в прежние годы,
и сызнова кажется лес
пределом свободы.

До нас добирается свет
с далекой орбиты,
где ныне чего только нет,
но люди убиты.

27.03

***

Я живу, я не то чтобы жив,
но живу, - и словесные глыбы
до счастливой поры отложив,
мы еще повидаться могли бы,

мы могли бы уйти от людей,
посидеть на заброшенном пляже,
то есть, как тут собой ни владей,
не увидеться – странно бы даже.

Но случается то, что должно
неминуемо было случиться, -
то ли дождь заслоняет окно,
то ли краска бросается в лица,

происходит подмена вещей,
и не ты торжествуешь, а кто-то,
кто решительней стал и тощей,
чем на старом захватанном фото.

2.04

***

Заурядный осенний пейзаж, -
старый дом и огромная лужа.
Надвигается зимняя стужа,
воскрешая давнишнюю блажь,
на которую годы отдашь
и, ничтожный итог обнаружив,
обратишься в почтенного мужа
и пополнишь паноптикум наш.

Растолкуй, мой потерянный друг,
отчего в перелетную пору
нам всего-то и есть разговор,
что пенять на исконный недуг?
Невдомек или впрямь недосуг
отряхнуть старый прах без разбору
и, презрев любопытную свору,
перед смертью опомниться вдруг?

Мы в той жизни, что даром прошла,
как леса, косяками горели,
и, бывало, подольше недели
застит очи косматая мгла.
Кто забыл, что беда здесь была,
или был при беде, как при деле,
ничего вспоминать не хотели,
но по-прежнему стынет зола.

Перелетные птицы летят,
покидая свои пепелища,
птице всюду отыщется пища,
все при ней ее пестрый наряд.
Но которую осень подряд
мне тебя не дозваться, дружище,
на забытое богом жилище
обращая растерянный взгляд.

9.12

***

Вот не думал до сих пор ты,
что увидишь натюрморты
итальянских мастеров
восемнадцатого века,
где рассохшаяся дека
и начищенный засов.

Жили люди бестолково,
ничего, кажись, такого
не сумели, чтобы им
задирать носы поныне,
воздавая дань святыне
безучастием своим.

Чудом вещи уцелели,
до могилы с колыбели
им служившие, и вот,
хоть изрядно насмотрелись
на пригожесть мы и прелесть,
зависть все-таки берет.

Только лучше не завидуй
и злопамятной обидой
понапрасну не греши, -
тут дела иного рода,
ибо мертвая природа
тоже зеркало души.

5.02

***

Коль жизни, кроме страха,
не будет впереди,
давай чакону Баха
мне на ночь заведи,

заполни по старинке
беспамятный провал, -
внимал бы я пластинке
и век не тосковал.

Не то что отпустило
державшее сперва,
но жизни не хватило,
а музыка жива.

Годов уже как триста
покончен разговор,
а пальцы гитариста
застряли до сих пор.

23.11

***

Нам по Лиговке налево
заворачивать опять,
и щемящего напева
станет вовсе не слышать,
и в открытое пространство
вроде выйдешь не впервой,
коли с близкими расстался –
все равно что неживой.

Хорошо хоть, что дорогу
различишь в кромешной мгле,
хорошо хоть, слава богу,
что в отеческой земле,
в том краю, где сам когда-то
груз подобный принял ты,
озирая виновато
камни, звезды и кресты.

Никогда мужчин и женщин
перечесать я не смогу,
пеплом по ветру пошедших
или брошенных в снегу,
перебитый без пощады,
чуть не выбитый народ, -
совершить они бы рады
наш прощальный поворот.

А как с Лиговки свернете,
будет путь и прям и прост, -
послужил своей заботе
и ложись во весь свой рост.
Вот он жребий твой желанный,
и прощай, пустая грусть, -
мне бы только до Расстанной,
дальше сам я доберусь.

1.12

***

Едва ты к щелочке приник
да заглянул в обитель,
тебя сейчас за воротник
хватает вседержитель,

и проникаешься тоской
людей, что жить могли бы,
живи они, как на Тверской
насаженные липы.

Иль оттого душа звенит,
что все же виновата,
коль ты лишь тем и знаменит,
что заглянул куда-то.

Давно ты понял, что хитро
жить в мимолетном слове,
какого ж дьявола перо
ты держишь наготове?

Не ради подвига отнюдь
и не спасенья ради
спешишь исправить что-нибудь
в измаранной тетради,

а для того ли стерт с лица
земли, пошедшей прахом,
чтобы приманивать сердца,
замученные страхом?

12.12

***

Корабль трехмачтовый в туземном порту
под всеми стоит парусами,
с поклажей разделаться невмоготу,
и все же справляемся сами.

А ты говоришь: это сон, это ложь,
мне этот корабль только снится,
ты медленно руки на грудь мне кладешь,
и тихо сдвигаются лица.

Корабль набирает дыханье сперва,
счастливый и гордый заране,
он ждет отправления, как торжества,
не думая, что в океане.

А ты, разгоняя недобрые сны,
опять улыбаешься кротко, -
и спать как убитые мы бы должны
под грохот всего околотка.

Корабль отбывает в неведомый свет,
как водится в юности ранней.
А ты повторяешь: прекраснее нет
обыденных наших свиданий.

Уходит корабль под покров темноты,
его никогда мы не встретим, -
и я просыпаюсь, - А ты где? А ты? -
и день начинается этим.

16.12

***

На все отпущен срок,
его бывает мало,
не попусту извлек
я то, что миновало, -
что нравом не сошлись,
что есть другие вины,
и не поправить жизнь,
дойдя до половины.

Но только мы в толпе
столкнемся ненароком,
взмывает и в тебе
не связанное сроком,
и ощущая связь,
мы обмираем снова,
шалея, но страшись
бесстрашия былого.

9.03

***

Счастливые часов не наблюдают,
однако замечают и они,
что буйные недели увядают
и тают распластавшиеся дни,

а счастье прогорает без остатка,
и чуть не пропадает благодать,
покуда догадаешься, как сладко
за тиканьем и боем наблюдать.

9.03

***

Пред тем как медленно вспорхнуть,
тот миг внезапный озирая,
когда тебя себе на грудь
повалит мать земля сырая,

ты непременно приглядишь
пристрастным взором очевидца
к тому, что не взовьется ввысь
и с чем придется разлучиться.

Конечно, сдохнешь дураком:
твердить азы – себе дорожке,
но мир, исхоженный пешком
и зримый сверху, слишком схожи,

и город сызнова – орда,
и снова плоть – подобье платы,
точь-в-точь как в давние года,
когда мы не были крылаты.

7.05

***

Реанимация – по-русски
лишь возвращение души,
и ты попутные нагрузки
вернуть с ней вместе не спеши,

на нескончаемой работе
не надрывай больную грудь,
душа, вернувшаяся к плоти,
и так запомнила свой путь.

А ты забыл, что это было,
а ты не рад своей судьбе,
тебе открытая могила
напоминает о себе,

ты норовишь исполнить дело,
доделать мелочи спеша.
Ты прежде был – душа и тело,
а нынче – тело и душа.

14.05

***

Глядишь и на Урале
весна уже настала –
ракеты отбывали
от каждого причала.
А холодок украдкой
за шиворот проник, -
наденем плащ с подкладкой,
подыдем воротник.

Случившееся с нами
готов принять как данность,
но с путаными снами
не сразу я расстанусь,
хоть и не жду, что в мире,
устроенном людьми,
сердца вдруг станут шире,
чем Кама у Перми.

Какие только рощи
не высятся над кручей,
но участи попроще
я жду, как неминучей,
не совпадая с хором
и попусту браня
огромный мир, в котором
нет места для меня.

4.06

***

Зарю семнадцатого века
в благоговейной тишине
встречают пастухи Эль Греко.

Лежит ребенок на спине,
а на поверхности земли
застыл ягненок бездыханный,
и тьма кромешная вдали,
а в доме свет какой-то странный.

Нелепо вздетая рука
торчит беспомощным вопросом.

Сулят спасти наверняка!
Безмолвный ангел над откосом
парит, - латинские слова
держат как знак благоволения.

Взирает грек из отдаленья
на жизнь молодого существа.

Она по-прежнему темна.
Какие прояснятся лица?
Что с новорожденным случится?
Какая участь суждена
ему теперь на белом свете?
Как станут жить другие дети?
И от каких еще обид
опять не оградит окрестность?

В том, что младенцу предстоит,
преобладает неизвестность.
Еще оранжевая ткань
легко соседствует с зеленой.
Смелее в будущее глянь
и не дрожи перед мадонной.

Но грек уставился, и мы
глядим, и непроглядной чашей,
робея, движемся из тьмы
навстречу жизни предстоящей.

***

В неблагодарные года,
когда не ведаешь, куда
себя девать от скуки,
чураясь беспредметных дум,
сменяют женщины костюм
и надевают брюки.

А их, как маленьких ребят,
позорят, пилят и бранят
за дерзкие поступки, -
никто сначала не смекнет,
что эти брюки – переход
к старинной длинной юбке.

15.08

***

Пусть об ангеле своем
мы постепенно узнаем
подробности былого,
не рушится основа,
внимать велящая ему,
а не подметному письму,
хоть по ночам и снится,
что ангел – дьяволица.

17.08

***

Мир открывают все, кому не лень,
чтоб не пеняли им за старомодность,
и ведь какую только дребедень,
какую чушь и впрямь не тычут под нос.

В ответ обычно отвергать велят
природу искажающее око
и запрещать неделикатный взгляд
за то, что истина звучит жестоко.

Но сладить с нескончаемым враньем
дано лишь в каждодневном поединке,
а мы не в меру суетно живем,
чтобы стоять за правду по старинке.

7.09

***

В пространстве итальянского окна
московский двор. Не в это ли пространство
ты наперед всю жизнь, что суждена,
вместить еще до времени старался?

И вот она вместилась. Ты лежишь
на госпитальной ломаной кровати,
а некогда маячившая жизнь
оборвалась нелепо и некстати.

И ты, дитя московского двора,
взять в толк не в силах
самую лишь малость:
тебе, выходит, помирать пора,
а жизнь совсем еще не начиналась.

20.01

***

Не верь, не верь в свою звезду,
не доверяйся слухам,
не жди, что сможешь на виду
сгореть единым духом,

и разом выплеснется глас
всего, что было близко,
навек оправдывая нас
отчаянностью риска.

Господь беспомощно простер
свои пустые длани,
где ждет нас печь, а где костер,
не высмотрев заранее.

Еще подумать не могли б,
чему я здесь подвергнусь,
покуда судорожный всхлип
не выплыл на поверхность.

Иди ж и впредь своим путем,
не донимая бога,
к какому месту мы придем
и где теперь дорога.

Гори на собственный свой страх,
грядущего не зная.
Глядишь, и вспыхнет в небесах
звезда твоя шальная.

19.11

***

Зима, обшарив за окном
невозмутимые владенья
и к нам не зная снисхожденья,
перевернула дом вверх дном.

Теперь хоть ставни запирай,
а виден будешь нараспашку,
махнешься шкурой на рубашку
и думаешь: не жизнь, а рай!

Себя не выпустить из рук
совсем, казалось бы, не трудно,
а упираться безрассудно –
как вдруг, - и ведь с чего бы вдруг? –

вдруг выдыхается магнит
бесслезно-выцветшего лика,
когда судьба равновелика
тому, чем ты по горло сыт.

20.01.77

***

Когда менялась колея
под стонущим вагоном,
и не подумал даже я
о чем-то незаконном,

к его дверям, как на крыльцо,
я выходил во мраке,
и хохотали мне в лицо
веселые поляки.

Они приподняли вагон
без лишнего вопроса
и, как привыкли испокон,
сменили в нем колеса.

Не стало, кроме нас двоих,
законного гражданства.
Вагон как будто бы затих,
зато сильнее шатался.

Его окутавшая мгла
рассеялась немного.
Куда нас только завела
железная дорога!

Мелькали узкие столбы,
я принимал к окошку,
и в приношение судьбы
поверил понемножку.

5.02

***

Четыре музыканта сидят ко мне лицом:
один с виолончелью, еще один со скрипкой,
на этом крае с флейтой,
а на другом с альтом,
и самая рассадка мне кажется ошибкой.

Мне кажется, что каждый уставился в окно
и от вагонной тряски склоняется к соседу.
А может, музыканты приехали давно,
а я куда-то еду, а я куда-то еду?

Знакомая дорога уходит из под ног.
Нашел себе забаву – порадоваться горю!
Как вдруг я понимаю то, что понять не мог,
и больше с мирозданием
по мелочи не спорю.

Рыдания и всхлипы уносятся как дым,
и музыке и жизни даны скупые сроки,
но музыкантам в лица
мы пристально глядим
в надежде убедиться,
что впрямь не одиноки.

23.02

***

В лесу, до головы запорошенном,
ни выхода не знаешь, ни защиты.
Лес объявился белым легионом,
и по соседству многие убиты.

Подробностями вскормленные с детства,
к знакомому сюжету мы остыли, -
не видели мы радости – вглядеться
в глаза, как будто пуговики, пустые.

Деревья – это вставшие из праха
порубленные прежде поколенья.
Я подхожу к ним без вины и страха,
они меня убьют без сожаленья.

14.01.78

Пространство полотна

1978-1985

***

В неугомонной гонке
расчислены давно
и ложе из вагонки,
и грубое сукно,

и низкий стол дощатый,
и шаткий табурет, -
и льстишься лишь пощадой,
другой надежды нет.

Желающим учиться
непрожитым годам
я воспарять, как птица,
примера не подам,

я знаю понаслышке
про волю и покой,
а сам и передышки
не помню никакой.

5.07

***

В неправде есть большая сила,
и, лишних слов не говоря,
она с младенчества учила
жить по листкам календаря,

мол, так ведется год от года
и в том спасенье от оков,
что у великого народа
обычай, стало быть, таков.

Вставай с утра, берись за дело,
одолевай постылый труд,
пусть ты не этого хотела,
да ведь иного не берут,

не променяют измышлений
на истину, - она темна,
а для грядущих поколений
придут другие времена.

К чему глядеть в горнило ночи,
ловя померкшие огни,
когда и проще и короче
жить, как ведется искони.

Я соглашусь, я тоже встану
в тот предрассветный зыбкий час,
и мы притерпимся к обману, -
да вот помилуют ли нас?

14.02

***

Я хочу проснуться, я не хочу
видеть дальше все тот же сон.
Точно в раннем детстве слова учу
да глазею за горизонт.

И не то что к замыслу я деталь
подбираю в чужом краю,
и не то что себя нынче стало жаль, -
просто жалко долю свою.

В стародавнем сне все равно убьют
не за то, что нашлась вина,
просто-напросто ветер бывает крут
в окаянные времена.

Неужели, что выпадет благодать,
ты еще ожидал, чужак?
Чтобы сбросить сон, хорошо бы встать,
только что-то не встать никак.

4.07

***

Птолемей и Арсиноя,
простирая гордый взгляд,
на безумие земное
снисходительно глядят.

Сколь бы ни были суровы
предначертанные дни,
их бестрепетно готовы
будут выстоять они.

Птолемей и Арсиноя,
самозванные цари,
постояли вы стеною
за лежавшее внутри,

уберечь в себе умея
прежней твердости запас,
чтобы старая камья
вечно радовала нас.

31.07

***

Одноместное купе
вроде бы ко благу,
но шагнуть туда к тебе
не могу и шагу, -

пролетевшие года,
ставшие обманом,
говорят, что никогда
мне не быть желанным,

и хоть давняя напасть
разорвет на части,
обрывается и страсть
без ответной страсти.

8.01

***

Бог весть, кому из нас двоих
портрет дыханием обязан, -
я в ожидании притих,
а ты глядишь суровым глазом

то на него, то на меня,
то на него, - скажи на милость,
откуда общая родня
у нас внезапно объявилась?

А обитателя холста, -
он сходен с каждым лишь отчасти, -
не занимает суета,
ему смешны людские страсти.

Твоя ль душа, моя ли плоть
ему способствовали в этом?
Но жаль, что не дал мне господь
быть наяву твоим портретом.

16.09

***

Неблагодарная душа,
отдельная от тела,
что ты лицом нехороша
твердит мне то и дело.

Но проступает красота
в блаженный миг слиянья,
и вылетают неспроста
внезапные признанья.

Ты и не вспомнишь даже их,
бурлящих торопливо,
но помню я, что в этот миг
ты чудо как красива.

Потом красу твою сотрут,
и сетовать напрасно,
но я опять примусь за труд,
чтоб ты была прекрасна.

25.09

***

Опять химеры
хороводить рады,
и жаждешь веры,
коли нет пощады.

Пропьем потерю,
горевать не будем,
в людей я верю,
да не верю людям.

Совсем немного
я беру в дорогу, -
я верю в бога,
да не верю богу.

5.07

***

Шагал и Пикассо,
Ван-Гог и Модильяни,
вертели колесо
в дырявом шарабане,

в Париж возили груз
презренные задворки,
и не всегда француз
был от него в восторге.

По нашему бы тут
Отрезать надо сходу:
«Зачем дают приют
беспаспортному сброду?»

От них потом беда!
Так сразу б с ней бороться!»
А Франция горда
талантом инородца.

26.08

***

Собрание людей до сорока,
не ведающих выхода иного,
чем кубарем летящая строка
от на попа поставленного слова.

Они одеты, как кому пришлось,
но пиджаки и галстуки не в моде.
Вот борода, вот космы вкривь и вкось,
а вот на голове цыгейка вроде.

Подвальное собрание – родник,
струящий напоказ терпимость власти.
Конечно, есть евреи среди них,
но их не более десятой части.

Свобода проплывает над тобой,
но, побывав в ее подложном мире,
не веришь в счастье тех, кому судьбой,
дано со смертью жить в одной квартире.

27.04

***

Без тебя одолела тоска,
и не справиться нынче с тоской, -
ведь не бьется висок у виска,
и к щеке не прижмешься щекой.

Нет радости лучше, чем та,
где к устам приникают уста,
к языку припадает язык,
словно весь к тебе внутрь я проник.

И не в силах пустой пересказ,
сбавить горечь терзаний моих, -
только счастье нежданное, нас
вдруг в единый настигшее миг.

22.06

***

Как видим, дверь открыта,
окно отворено,
и нет милее быта
забытого давно.

Пленяет нас изнанка,
хоть и не для красоты,
чуть наклонясь, голландка
стоит, держа весы.

От алого подола
и кофты голубой
на города и села
струящийся покой,

со стулом деревянным,
с орнаментом ковра,
еще считать обманом
не подошла пора.

Там жили ведь когда-то,
как нам не довелось, -
а нам — опять расплата,
и бестолочь и злость.

Но как оно ни плохо,
как участь ни сложна
у Питера де Хоха
бессмертна желтизна.

25.06

***

Не скули, мой друг любезный,
оказавшись в тупике,
проскочить над черной бездной
постарайся налегке,
хоть и трудно постоянно
видеть жизни наготу,
а, – сказать без обмана, –
жить давно неумоги.
Может, лучше не переча,
принимать извечный крест,
тешась тем, что ты – предтеча
предстоящих общих мест?
Или проще раз от раза
нас, перечащих, завлечь
в мир великого отказа,
то есть, в газовую печь.
Но попробуй жить на свете,
даже если жизнь – не рай,
и безрадостной примете
до конца не доверяй,
где-нибудь на дне колодца,
может быть, найдется клад,
и судьба перевернется
и пойдет еще на лад.

30.12

***

Судят вкривь или вкось,
бьют за всякую малость,
что могло – растеклось,
растопилось, распалось.

По какое число
жить веселому свету?
То, что было, - прошло,
чего не было – нету.

Много шло молодых
без надежды на старость,
им давали под дых,
их топтала усталость.

Нынче суетный суд
справят вечные силы,
на руках донесут
до открытой могилы.

Всех-то благ, что в гробу,
за недолгие годы, -
что ж пенять на судьбу
и законы природы?

Вот и нет уже их,
начинавших когда-то,
и за то, что притих,
наступает расплата.

25.02

***

Порой привидится спросонок
в предутреннем последнем сне,
что как разутый цыганенок
я пойман – и не скрыться мне.

Завидев старую цыганку,
припомню, хоть и сам я стар,
как полицаи спозаранку
погнали бабку в Бабий Яр.

Кнутом холопским или панским
забьют, расправу затая, -
проступит пением цыганским
Треблинка вечная моя.

9.03

***

Один знакомый мне старик,
хоть сорок лет прошло,
считать за главное привык
давнишнее число,

когда он кинулся вперед,
не ощущая ног,
и на потрескавшийся лед
внезапным камнем лег.

Ему, конечно, и в бою
хотелось уцелеть,
и жизнь привычную свою
поддерживать и впредь,

но были тем сердца сильны, -
страх потому затих, -
что впрямь тогда судьба страны
зависела от них.

***

Не заглядываю в святцы,
не разглядываю лица,
я хочу тебе признаться,
я готов тебе открыться,

но не знаю, что найдется
в неожиданном признании
кроме родственного сходства,
предвкушенного заранее.

Ах, конечно, чем теснее,
тем и сладостней знакомство, -
вот и мы, хоть закоснели,
вдруг поспешно признаемся.

22.09

***

Семейным портретом Ван Дейка
любujemy мы не шутя,
обычная вроде семейка –
мамаша, мужик и дитя.

Дитя как бы вполоборота
взглянуло назад, на отца,
однако родителям что-то
поныне сжимает сердца.

Два взгляда: решительный женский
и полный тревоги мужской...
Гляди же на них и блаженствуй,
снедаемый той же тоской.

А что в своем рвении строгом
грядущая жизнь отберет, -
увы, даже с господом богом,
поди угляди наперед.

22.09

***

Святой Лука, рисующий мадонну,
евангелист и покровитель наш,
оставил не портрет и не икону,
но меж людей расположил пейзаж.

Река. Над ней Иоахим и Анна,
христовы дед и бабка, смотрят вдаль.
Что было им открыто, что желанно,
что недоступно и чего им жаль –

в писании не сказано. Едва ли
возобновленный живописцем быт
по тщательно отделанной детали
их страх или смятенье воскресит.

Они взирают вдаль, а мать божья –
на мальчика, а на нее – Лука.
Но правда здесь на правду не похожа,
здесь даль – мала, а близость – велика.

В пространстве полотна, как бы возвысясь
над тем пространством, что падет во тьму,
изобразил старинный живописец
людей едва причастными к нему.

Все достоверно. Разве что предметы
и люди вместе с ними входят в связь,
в которой вдруг душевные приметы
открыть другому можно не боясь.

22.09

***

Есть в Эрмитаже три лица
под круглым балдахином,
дабы предвечного отца
нам не считать единым.

Есть бог-отец, бог-дух святой,
бог-сын, и с этим богом
не сладить раме золотой
и праздничным чертогам.

Тот бог – мертвец, но жив отец,
а дух святой, как птица,
нам предрекая наш конец,
непрочь поторопиться.

Но хоть могуч отец, как жизнь,
и совладеет с духом,
ты все же мертвого держись,
воскреснет он по слухам.

Сошедший на землю с небес,
он распят для примера,
и, хоть покамест не воскрес,
жива слепая вера.

А три не ладящих лица
по-прежнему упрямы,
глядят на нас и ждут конца
нам предстоящей драмы.

22.09

***

Российский живописец прибыл в Рим
и прожил там почти что до кончины,
хоть мы и неохотно говорим,
какие были этому причины.

А перед самой смертью, воротясь
в Россию с полотном своим огромным,
и сам не жаждал разъяснять он связь
событий грозных с бытием бездомным.

Да и не вдруг сумел он побороть
бессильный сон, сгубивший поколение,
нет, суть не в том, что явится господь,
а в том, к кому обращено явленье.

Душа господня без людей пуста,
и живописец наш глядел как в воду,
когда предметом главного холста
избрал явление Христа народу.

А тот народ, заняв на полотне
весь первый план, был вроде как в раздрае
и ждал, что бог, поддавшись слабине,
объявит о земном всеобщем рае.

Одни, спокойно сидя на конях,
другие, бросив на земле одежду,
являли радость, любопытство, страх,
нетерпеливость, глухоту, надежду.

К несхожим людям обращался бог,
не наказуя даже святотатства,
и всякий человек открыто мог
не верить, верить или сомневаться.

И невесть где набравшийся идей
провозвестил стране, откуда родом:
народ, не состоящий из людей,
еще не время называть народом.

21.10

***

Сын человеческий – господь
свершил свой подвиг смело,
и вбили гвоздь в живую плоть,
и растерзали тело.

Хоть он заведомо постиг
исход из вечной ночи,
и то отчаялся на миг,
когда оставил отче.

А ты, сын божий – человек,
не ступишь без опаски,
ты знаешь – короток твой век,
и ждешь худой развязки,

ты в тишине вершишь свой труд,
он людям не помеха,
но за него тебя убьют
и будет им потеха.

Сын человеческий – Иисус
вознесся в воскресенье.
Я вслед за ним не вознесусь,
и я не жду спасенья.

Но человечье естество
и существо господне
уже различья своего
не ведают сегодня.

28.12

***

Не мной было сказано: «Черт догадал...»
и тут не прибавить словечка.
Еще не остыл смертоносный металл,
не высохла Черная речка.

Когда б ни таланта в тебе, ни души,
конечно, ты зажил бы сладко.
Писать захотелось? Изволь, попиши
для славы и ради порядка.

От века устроить заведомый рай
стараются палка и плаха,
внушая, что к счастью родительский край
придет не добром, а со страха.

Затем ведь и катятся головы с плеч
в преддверии райского сада,
затем и таланты положено сечь
и души доламывать надо.

13.01

***

Что, действительно, за притча –
неоглядный окоем,
чтоб, себя не возвелича,
посудачить о своем?

Хоть от Смольного собора
было глаз не отвести, -
всякий знал, что быти скоро
Соловецкому в чести.

Зодчий загодя потерю
возводил перед собой,
вот и я ничуть не верю
доле бело-голубой,

и никто нас не осудит,
если жизнь не удалась.
Будь готова, будь, что будет, -
ведь на то не наша власть.

16.04

***

В этом мире окаянном
не считаю я обид,
вот Помпея, Геркуланум,
как положено, стоит,

и времянка-развалюха
или каменный портал,
где звучит поныне глухо
то, что слышал и сказал.

Я старался, не робея,
прошагать свой путь земной.
Геркуланум и Помпея
всюду были предо мной,

небосвод над ними синий
и мгновенья благодать,
но о чем напишет Плиний
можно больше не гадать.

26.04

***

Не могу никак понять я,
что за пылкое объятие
забрало, - и не разъять.
А, казалось бы, возможно
расцепиться осторожно
и прижаться вдругорядь.

Нет, не быть минуте лучшей,
и, коль скоро выпал случай,
за него теперь держись,
хоть на ниточке повисла
и без видимого смысла
пролетела наша жизнь.

Не гадай о новой встрече,
закатившейся далече, -
и с чего такая страсть?
Я – старик и ты – старуха,
но хоть сердце бьется глухо,
а не хочет зря пропасть.

10.05

***

Чтобы выдержать нашу беду,
никаких не придумали таинств,
но попробуем выжить в аду.
Я давно это сделать пытаюсь.

Попытаемся жить, словно срок
даже не был намечен сначала, -
но смешон мирозданию упрек
уцелевшего среди обвала.

Выживай, подымайся опять,
и, пока еще держишься как-то,
нет заботы другой, как шагать
вдоль разбитого старого тракта.

Не поддайся на вечную ложь,
что непрочно живущее тело,
а когда невзначай упадешь,
значит попросту время приспело.

12.12

***

Русский царь убит поляком,
и канал остался знаком
двух загубленных судеб, -
не видать свободы Польше,
да и Русь не будет больше
продавать Европе хлеб.

Лишь одна смущает странность -
озадачить ей пора нас:
было много злых царей,
но, безмолвны иль речисты,
не спешили их бомбисты
ликвидировать скорей,

а убитый, не забудем,
как-никак свободу людям
дал, хоть не дал им земли, -
землю удержал помещик.
Люди не как в сказках вещих,
но хоть что-то обрели.

Только Русь исконной верой
верила: лишь полной мерой
дать и взять народ готов,
и, чужих щедрот не чаяв,
стали славиться Нечаев
и дружок его Ткачев.

То в борьбе еще неравной
вновь орел самодержавный
над Россией взмыл, как встарь,
пособить он тем старался,
кто чужое рушил царство
лишь затем, чтоб свой был царь.

Сам я против царской власти,
но еще страшней, от страсти
нетерпением горя,
в исступленье окаянном
заменить царем-тираном
уступавшего царя.

Так и вышло, заменили.
Сын и внук, хоть были в силе,
помнили – земля дрожит,
и спасались от расплаты,
в коей скажут виноваты
армянин, поляк и жид.

Добрались мы до канала, -
бомба здесь и доканала
волю совладать с судьбой,
и уверенность продлилась
будто вправду справедливость –
это смерть и смертный бой.

11.09

***

Не то чтобы живу,
ничуть не доверяю
смешному торжеству
и сумрачному раю,
но, книгу отложив
от вспыхнувших догадок,
почувствую, что жив, -
и день как будто сладок.

16.10

***

Простой подсвечник на одну свечу
я загодя приобрести хочу, -

пускай в кромешной темени земной
какой-то свет останется со мной,

не много света от одной свечи,
но пусть она горит, а ты молчи

и сам затеплись по соседству с ней, -
оно и хватит двух таких огней.

20.12

***

Голь на выдумки хитра,
надо ей немного.
Люди в поисках добра
веровали в бога.

Нынче истина ясна
даже старым сводням, -
выступает сатана
в облике господнем,

и не страшно, что отпал
он от бога прежде,
страшен дьявольский оскал
в праведной одежде.

Все ведь горе в том одном,
что от лишней веры
перевернуты вверх дном
лучшие примеры.

Не щадя последних сил,
благ бывал подвижник,
а опорой послужил
для речей облыжных,

поначалу даже мог
пособить прохожий,
только сам не знает бог
хода к правде божьей.

16.03

***

На то, как снег ложится,
глядишь навеселе,
а радостные лица
попрятались во мгле,

выходишь из подъезда,
как в Старый Новый год,
и за руку невеста
на улице берет,

куда стопы направить
и где окончить век?
Ах, господи, да я ведь –
женатый человек.

22.04

***

Автопортрет художника с женой
и малыми детьми. Но ты не смейся
над тем, что служит круг семьи родной
за образец священного семейства.

Не сетуй, что в разверстый оком
душа господня не вполне вместилась,
и всякий рассуждает о своем,
надеясь на божественную милость.

Художник помнит: бог был человек!
И ведь о людях, словно о баранах,
подумать даже в стародавний век
не мог ни Дюрер, ни Гольбейн, ни Кранах.

Бараны шли, куда их гнал пастух,
а люди, не объявленные стадом,
входили в дом и говорили вслух,
уста смыкали и стояли рядом.

24.11

Князь Московский

1970

Государь Иван Васильич,
православный царь,
все скажу, как было, - сиречь
как велели встарь,

тот замучен, тот повешен,
тех нельзя спасти, -
не вели казнить, хоть грешен,
душу отпусти.

Расскажу, как правишь Русью,
коли мне дадут,
и ко времени берусь я
за столь дивный труд.

Не о скошенной на плахе
буйной голове,
а о том скорблю, что ляхи
были на Москве.

Скажешь, сын твой в том виновен
или царь Борис,
дескать, власть была им внове –
глуп, так не берись!

Нет, не сдюжишь, не осилишь,
нынче пей до дна, -
государь Иван Васильич,
то твоя вина.

Ты в бесовском вертограде
правил до седин,
хоть и скажем, правды ради, -
был ты не один,

и опричь тебя найдутся,
всех не помяну,
кто повергнул в безрассудство,
повернул страну.

Но черед годов постылый
начался оттоль,
где попробовал ты силой
отвечать на боль.

Как душа уходит паром,
так и говорю, -
не полякам, не татарам,
русскому царю.

2

Люди, что сподобились и видели
белые палаты сей обители,
не отводят взора хмурого.
Старожилам ведомо поныне:
здесь пресекла дни свои княгиня
Соломония Сабурова.

У нее одна была забота –
только бы на свет родить кого-то
и страну спасти от беззакония.
Но Христу в пустыне, сколько помнится,
встретилась бесплодная смоковница,
ан ведь не княгиня Соломония.

Не помог и бог ее бессилию.
Было, значит некому Василию
завещать державу исполинскую,
и покорный благодному рвению

православный князь по разумению
в жены взял себе Елену Глинскую.

3

Князь Овчина-Оболенский
был мастак по части женской,

бают, парень был не промах
в государевых хоробах,

а с княгиней молодой
не разлить его водой,

И судить бы надо тонко,
кто отец ее ребенка.

4

Когда годов под пятьдесят
сынок на свет родится,
старик-отец, понятно, рад
и первенцем гордится,

и то его, положим, сын,
и нет об этом спора,
но все равно вопрос один
встает довольно скоро:

вопрос – кому растить сынка,
кому дитя доверить,
ведь изведет наверняка
услужливая челядь!

Доверить мальчика
боясь чужому человеку,

в унынье впал великий князь,
но учредил опеку:

Михайло Глинской, Воронцов,
князь Суздальской, князь Бельской,
князь Шуйской, - эва молодцов
есть на земле Рассейской!

Кто из дружков, кто из родни,
за кем должок, услуга, -
глядишь, наладятся они
подозревать друг друга.

На то надеясь, государь
почил, как должно, в бозе,
и в церкву, как водилось встарь,
снесен был на морозе.

Но сердце стыло оттого,
что не спасет отсрочка,
что он оставил одного
трехлетнего сыночка.

5

Едва молодая царица
останется юной вдовой,
готовы почтенные лица
зазря рисковать головой, -

не то ты ухватишь корону,
не то пропадешь ни за грош,
коль скоро приблизился к трону,
кто по милу был ей хорош.

Но третий откроется случай,
едва ты заглянешь во тьму,
судьбы не дарующий лучшей
ни ей, ни тебе, ни ему, -

уже и признаться придется,
что кончилась доля твоя,
однако двойное сиротство
узнают ее сыновья.

6

Княжна литовская Елена,
когда преставился супруг,
уразуметь могла мгновенно,
что выпадает власть из рук.

Она раздумывала мало
и попечителей своих
без лишних слов арестовала,
и дядю Глинского меж них.

Была ль иная в том причина –
поди теперь ее спроси,
да только князь Иван Овчина
отныне правил на Руси.

И Русь жила, как прежде, в мире,
не помня ни добра, ни зла,
а года, вишь, через четыре
княгиня тоже померла.

Почто гадать, кто подал яда
и чей слуга в чертог пролез,
но князь Овчина сник от глада,
окован тяжестью желез.

Бояре спорят о местах.
Зачем шумят бояре?
Куда простерту быть во прах,
не все ль едино твари?

Иль обрести не страшно ей
земное верховенство
за разрешенье от скорбей
и вечное блаженство?

Сперва один, потом другой,
всецело иль отчасти,
спешат дотронуться рукой
до воплощенья власти,

то Шуйской взял, то Бельской взял,
и крови льются реки,
кому топор, кому кинжал,
кому клобук навеки.

Зачем боярская вражда,
и в чем тут все же дело?
То след, – отвечают всегда, -
Вчерашнего удела.

Но почему, отдав удел
Руси единства ради,
удельный князь не захотел
смириться в стольном граде?

Как совершился переход
союза для защиты
к такому, где один живет,
а прочие – убиты?

Твердят, что Франция и та
платила княжьей кровью,
чтоб дать законные места
растущему сословию.

Но ведь его-то на Руси
и нет еще в помине,
ему расти еще, расти,
чтоб жить, как на чужбине.

Русь не имела своего
единого хозяйства,
а силой сладишь ли его,
хоть как ты ни старайся?

Легко порушить прежний мир,
расстроить жизнь старинну,
тем паче век не так уж мил,
чтоб не хулить судьбину.

Но мир не рухнул, а пришло
спасенье роковое, -
кто надрывался тяжело,
стал надрываться вдвое.

Пустым историки бранят
боярский спор бесплодный,
да только он пустым навряд
для жизни был народной.

Когда сошлось в одну семью
безмерное пространство,
самостоятельность свою
утратило крестьянство.

А между тем ни млад, ни стар,
не ведали покуда,
что обернется казнь бояр
ярмом простого люда.

8

Князь Иван годов в тринадцать
вроде начал разбираться,
кто остатних вырос боле
без его монаршей воли.

Он сперва не подал вида,
помянул царя Давида,
и псарям велел скорее
выдать Курбского Андрея,

а сородичей и прочих
от земель отторгнуть отчих,
сечь, сослать, казнить болванов!
Пробудился дух Иванов.

9

А было это открыто
отнюдь не в туманном сне –
в беседе митрополита
с Иваном наедине.

Достигший возраста ноне
и господа не таясь,
чтоб жить, как должно, в законе,
жениться надумал князь.

Но нынче сватов не слали
к чужим краям, как досель;
невесту искать не дале
Российских велел земель.

Она тиха и смиренна,
блаженна ее душа,
она умом несравненна,
она собой хороша.

Окольничьего Романа
московская помнит знать,
и дочка его желанна,
как божия благодать.

Венчанья связь нерушима.
Дай бог новобрачным впредь
достичь Иерусалима,
в Израиле мир узреть.

10

Но прежде, чем с Анастасией,
наполнившей кротостью дом,
навек он венчался с Россией,
ходившей под ним ходуном.

В преддверье венчанья иного
венчался на царство Иван,
придавши обличье былого
всему, чем бывал обуян.

Надеясь боярскую свору
отныне повергнуть во прах,
ВЕНЧАЛСЯ, как в оную пору
исполнил сей чин Мономах.

Москва отчаянно горела,
бог знает где огню был край,
все занимались то и дело,
то храм, то избы, то Китай.

От старой церкви у Арбата
и до Семчинского сельца
кромешным пламенем объята,
Москва не прятала лица.

Точь-в-точь костер самосожженца,
она вздымалась в облака,
и подложить еще поленце
могла лишь подлая рука.

А подступивших к двери рая
недостоверное число
уже, младенцев не считая,
за двадцать сотен перешло,

и отчего пошли пожары
Иван разведать повелел.
О, просвещенные державы,
кто в эту пору не горел!

Но вот сказали все на Глинских –
по слову Шуйских иль чьему, -
и розыск долго не продлился
в еще курящемся дыму.

Ведь православному народу
такие ведомы дела:
в полночный час княгиня в воду
сердца покойников клала,

а настоится та водица –
кропит Москву со всех сторон.
Понятно, город загорится,
когда нечистым окроплен!

Князь Юрий Глинский, это слыша,
с толпой не ввязывался в спор,
надеясь на защиту свыше,
он молча кинулся в собор.

Как уверяют, не отсюда
тяжелой поступью идет
кровавый облик самосуда,
где судит якобы народ.

Но в первый раз во храм господень
толпа вошла, свой суд творя,
с тех пор мы Глинских не находим
у трона русского царя,

и коль нужна завязка драме
и предварения нужны,
то началось с убийства в храме
преображение страны.

12

Поди дознайся, будет плод каков
и семена посеяны какие,
когда выходят вдруг из берегов
желанные, казалось бы, стихии.

Отчаянный охватывает страх
того, кто им сочувствовал сначала,
и отдается гибелью в мирах
минутное свершенье идеала.

Казанская икона
уже ведь сколько лет
нам служит неуклонно
за знаменье побед.

15

Все снится бескрайней беды
раскрытая книга,
на каждой странице следы
татарского ига.

Пребудешь ты, сед или юн,
без отчего крова,
коль вьется бесовский табун
вкруг храма Христова.

Зрачок беспощаден и дик
за щелочкой узкой...
О, я говорю напрямик:
Я – русский, я - русский!

Но вот уже гложет пожар
убогие грады,
где русские режут татар,
не зная пощады,

младенцев швыряют в огонь, -
затем он и ярок,
и топчет взъярившийся конь
безгласных татарок.

О, с петель срывающий дверь
восторженный парень,
спроси меня, кто я теперь –
татарин, татарин!

Потому звался сначала
самодержцем русский царь,
что избыл в себе вассала,
коим был у хана встарь,

и нежданно - нежданно
перелом пришел судьбе:
власть он держит не от хана,
сам он правит по себе.

Поначалу вроде правы
доброхоты тех начал:
независимость державы
самодержец означал,

и перечить новой силе
не сумел отныне хан,
и свободная Россия
вышла в круг свободных стран.

Но величие народа
не продлилось в эти дни,
ибо новая свобода
рабству давнему сродни,

ибо царь Иван Четвертый
лишь того и захотел,
чтобы ханской властью твердой
самому держать удел.

«Сам держу и сам роняю,
я за все в ответе сам,
если зло содеял краю
и перечил небесам!»

Он и вправду все на свете
сам решает сгоряча,
но за труд его в ответе
те, чьи головы с плеча.

17

Москва цепенела в страхе,
не нужны были и плахи –
лилась на паперти кровь,
но этого было мало,
тиранство лишь созревало,
и жажда мучила вновь.

Земли покоритель ханской,
он чтит закон христианский
и ночью являлся в храм.
Такая была в нем сила,
что будущее страшило,
и он убоился сам.

«Я, - рек он, - убийца мерзкий,
ужо Кирилл Белозерский
мне даст раскаянья свет,
а ныне стою на страже
дабы чародейства вражьи
пресечь, покуда их нет!»

Досель не сыщут примера
того, что сулит нам вера,
а это, увы, старо:
от веры идет отвага
навязывать людям благо
и силой творить добро.

И ты в неволе постылой
не сладишь с благостной силой,
какой прикинется бес,
тут смотрит ангелом нелюдь,
так если надобно верить,
то лишь в синеву небес.

18

Судили неизменно
бежавшего к врагу,
но бегство не измена, -
ответить я могу.

Спасаться от мучений –
естественный закон,
людских установлений
вовек превыше он.

На свете не жилица,
порой душа слепа,
но если сохраниться
положит ей судьба,

пускай замучит рана
и горечь изведет,
ты за грехи тирана
не прокляни народ.

19

Из тех, коих жребий был сладок,
свербило считай что в любом,-
упрочить бы прежний порядок,
а новое сделать рабом,

пускай себе новая сила
на службу идет к старине,
да старая пусть бы служила,
усердствуя даже вдвойне.

Обычай дворцового братства
российских монархов учил
за прежний порядок держаться
тройным напряжением сил.

Оно не случится, пожалуй,
совсем обойтись без обид,
иной воевода удалый
бывал и задаром убит,

но вопли над павшими жалки,
и я их в расчет не беру;
кто выжил, пойдет из под палки,
куда не пойдет по добру,

дела вроде будут неплохи,
и напрочь крамолу гоня,
дорвется до новой эпохи
исчадье минувшего дня.

20

От века чтя примету
нам явленных удач,
мы, чуть приметы нету,
теряемся, хоть плачь,

и все Ивану снится
исполнившийся сон,
где он своей юницы
боярами лишен.

Коль перечить царской славе
не отвыкли до сих пор,
значит, сетовать не вправе
на суровый приговор,

коли царскому указу
покоряться ваш черед,
покоряйтесь лучше сразу
или случай пропадет.

Кто сказал, что лишь с врагами
хороши топор да кнут,
если голыми руками
силу ближние берут?

Бейте ближних без изъятья,
коль держать хотите власть, -
не сробеть бы, - дескать, братья,
да в слезливость бы не впасть.

Кто родному верит брату
меньше лютого врага,
в Грановитую палату
попадет наверняка,

и сумеет без оплошки
продержаться много лет,
где Адашева Алешки
позабыт слюнявый след.

Когда ливонская земля
не шла к царю в удел

и в Польше быть за короля
он попусту хотел,

когда Москву татарский хан
неумолимо жег,
еще, казалось, царь Иван
поспеть повсюду мог.

А совершалось, между тем,
избрание пути,
меж двух сторон, меж двух систем, -
читатель мой, прости.

Жить, как жила она допрежь,
затеяла страна,
хоть не сочтется за рубеж
Ливонская война.

23

В Александровскую слободу
из Москвы отъезжает Иван.
Навсегда поимейте в виду:
отречение от власти – обман.

И какая пустая молва
ослепляет холопов опять, -
на Британские, мол, острова
от боярства царь вздумал бежать.

Но письмишко он шлет в тишине,
москowlянам своим говоря:
«Коль перечить надумали мне,
значит, будете жить без царя!»

«Мы рабы твои, мудрый наш царь!» -
нападает на жителей страх,
и бояре, как илоты встарь,
повергаются разом во прах.

24

Внемлите, вот он царский клич:
вы – земщина, но я опричь
днесь учредить желаю
надзор особый краю.

Я учиняю сей надзор,
определив опричный двор,
чтоб воевал с напастью
метлой с собачьей пастью.

Пусть жизнь идет сама собой,
однако ведает любой,
представ пред царским оком,
о жребии жестоком.

Кто усомнился – на кол тех!
Я отмолю сей смертный грех,
дабы к исходу жизни
зреть вотчину в отчизне.

25

Филиппу Кольчеву, что ли,
мы долг давнишний отдаем?
Не покорился царской воле,
а все стоял он на своем,

не убоялся святотатца,
похлеще выбирал словцо.

А плотской смерти что бояться,
коль ты духовное лицо?

26

Самый старый русский град
ныне опустел,
по-над Волховом лежат
груды мертвых тел.

Взял казну и отнял скот,
дом опустошив;
хорошо еще уььет,
а останься жив?

Не порушил он Кремля,
не спалил собор,
только русская земля
плачет с этих пор.

27

Покорение Сибири,
расточение Руси,
простирайся шире, шире,
да потом не голоси,

не жалей, что раскидала
ты людей, как в поле рожь:
до того их нынче мало, -
только силой соберешь.

Ивановы старанья
награждены с лихвой,
что ж он дрожит заране
с повинной головой?

Осилит все едино,
уменьем иль числом,
и собственного сына
проткнет своим жезлом.

Кто ж выглянет далече,
подумает вперед?
Не рада и не вече,
тем паче не народ...

Век не каменный и не медный,
как никак, шестнадцатый век,
что же, слыша грохот победный,
озирается человек?

Если правда тебе знакома,
о подробностях не басы,
Век Великого Перелома,
происшедшего на Руси,

век шестнадцатый. Наважденье,
суть которого не объять, -
где зовут его - Возрожденье,
ну, а где – Возвращенье вспять.

Век решительный, ладный, спорый,
век заштатной рубки голов,
приходящий к бездне, в которой
пропадает Андрей Рублев,

здесь невзгоды твои и беды,
предстоящие наяву,
и вернут себе море шведы,
и поляки войдут в Москву.

Хоть потом и те и другие
будут изгнаны навсегда,
перегнет мужицкие выи
новоявленная беда,

побегут кровавые реки,
не иссякнет давняя злость.
Ты гляди в шестнадцатом веке,
чем величие началось.

30

Пятьдесят четыре года,
помирать бы вроде рано,
лишь положено начало,
лишь намечены пути...
Говорят, что для народа
лучше нет царя Ивана,
мол, подобных было мало,
а славнее не найти.

Мы равны пред ним на плахе,
внуки узрят в нем героя,
всех мудрее, всех красивей,
он и бог и человек, -

расточатся, дескать, страхи,
перемелется худое,
а величие России
им означено навек.

Отчего же столь невнятна
та прощальная минута,
отчего творить лишь милость
завещал он на одре?
На лице алеют пятна,
точно вспыхивает смута, -
иль грядущее открылось
в умирающем царе?

31

Какие ведь напасти
опять мы и опять
стоящему у власти
готовы пожелать, -

всему-то он причина,
кругом он виноват,
и лик его – личина,
и черт ему не брат.

А поглядеть бы, право, -
невесело живет,
им кормится орава
невидимых господ,

и правит он державой,
как требует **она**,
а это ведь, пожалуй,
не личная вина.

Дознаться, отчего бы, -
все в толк я не возьму, -
скопившаяся злоба
досталась одному.

Не оттого ли, впрочем,
такая благодать,
что тот, кого порочим,
мог долю выбирать,

что совершил он выбор
нам даденной судьбы?
Остался или выбыл,
дома или гробы,

в парче или в рогоже,
себе или для всех...
Он выбрал. Ну, так что же,
пусть платит за успех.

32

Ивана нет. Потомок, поразмысли
об этой странной жизни. Загляни
ему в лицо. Грехи его исчисли.
Не упусти молитвенные дни,

когда он каялся. Оставь тирану
его удачи. Но умом раскинь,
и, если плоть порочат окаянну,
не повторяй бессмысленно: аминь!

Подумай, в чем величье государя
и в чем народное величье? В том,
чтоб вечно жить, души своей не старя,
или мгновенья ради стать скотом?

К чему рассказы о деяньях старых?
Они во имя истины одной –
крестьянин русский, вольный при татарах,
стал крепостным в империи родной.

Не потонула Русь в мордве и чуди,
но, покорив себе мордву и чудь,
с торгов за деньги продавались люди...
О Русь, об этом ты не позабудь!

Нет, не в татарском пресловутом иге
источник нескудеющего зла,
а в том, что надевала ты вериги
на тех, кого от басурман спасла.

О сколь жестоко возмещение гнета
над тем, кто сам быть должен по себе!
Какая только от него забота
не завелась потом в твоей судьбе.

Пускай ты и в ярме была прекрасна,
ты вольности хотела испокон,
а если никому и не подвластна –
от тех, кто был тобою покорен.

Хоть тут начало не Иван Четвертый,
а дед его, но именно ему
пришло на ум своей десницей твердой
ускорить ход вещей. А посему

он – двигатель прогресса. В чьей-то пьесе
он пояснял: все, дескать, для страны.
«Он о всеобщем пекся интересе!» -
твердят России верные сыны.

Иван в Европу прорубил окошко!
Он на Руси приветил англичан!
Жизнь поправлялась после понемножку.
«К чему ж тиранство Курбский обличал, -

серчает Виппер, - кабы не тиранство,
то, земли инородцев не прибрав,
российский дух бы вширь не простирался
до бесконечности!» И тут он прав:

быть может, не дошла бы до Поволжья
удельная Владимирская Русь,
на то, как говорится, воля божья,
и спорить я про это не берусь.

Да только эта Русь была Европой
не от Ивана и не от Петра,
а испокон. Глазами-то не хлопай
и доберись, попробуй, до нутра.

Затем и славен храмами Владимир,
что отыскался у него в былом
тот дух людской, который после вымер,
был истреблен, отправлен был на слом

и взят затем взаймы. Ужель голландцам,
дарившим нас до гробовой доски,
за нас еще бы надо догадаться,
что русский царь царит не по-людски?

О, не затем, чтобы хулить бывшее,
но все-таки, потомок, посмотри:
к Европе приближаясь в верхнем слое,
мы удалялись от нее внутри, -

и там правитель оттеснял боярство,
хоть и, пожалуй, не казнил теней,
и там сильней скреплялось государство,
но в нем и люди делались сильней,

а не смиренней. Новые начала
пусть новые последствия плодят,
но мы радеть хотели, как бывало,
а выглядеть при том на новый лад.

С мечем на варварство шел варвар новый,
был в господине раб вчерашний жив,
и стал судьбы губительной основой
царем Иваном начатый разрыв

особого и общего. Отселе
звонят удары бронзовых копыт,
и декабристы потому висели,
и Пушкин был поэтому убит.

Хоть вкус беды повсюду одинаков,
но странно думать, - разум не постиг,
что покоритель финнов и поляков
в своем дому еще бесправней их.

Опять ли это месть за весь и мерю,
или опять очередной обман -
я все равно всецело не измерю
наследство, что оставил царь Иван.

Потом пошли сумятица и смута,
и беглый послушник приял венец, -
но, учат нас, все обошлось как будто,
Романовы уселись наконец,

его родня, родня жены любимой,
его завет, его кровавый след,
его надежды род неутомимый...
И продолжали дело триста лет.

СОДЕРЖАНИЕ

Противовес 1966 – 1970

Затянет сызнава туманом	4
Сонный город качается в море	5
У нас в гостях московские поэты	6
В степи, дотемна пожелтелой	7
Ты только видения эти	8
Мой дрозденек	9
Отчего и зло берет	10
Как всегда, провожаю до места	11
Довольно неумело	12
О, как же мы добры по временам	13
Не могу поверить слуху	14
Ты услышал раньше срока	15
Уже который год	16
Все начиналось очень просто	17
Начинаются процессы	19
Ты нынче пляшешь хоть куда	20
Занимались во мгле купола	21
Не кляни худую осень	22
В конце зимы находит буйный страх	23
Так не проходит, значит, даром	24
Встреча вечером в вагоне	25
Ты говорил, что строй стиха	26
А тебе в пальтишке детском	27
Ты не попусту схватился	28
Теперь в строю едином	29
А я не понял, что держусь за дверь	30
Ложатся наземь хлопья	31
Отдышись, посиди перед книгой	32
Пока стоишь пред башней Гедимина	33
И не то, чтобы прав	34
А ты теперь напропалую	35

Не пагубна ли искренность	36
О, тягостные вины	37
Исконное право былого	38
Когда влечет неудержимо	39
Неизвестно когда и неведомо где	40
Армения	
I – В Тифлисе шумном и веселом	41
II – Мы не спали, мы просто лежали	42
III – А нам допивать бы не надо вино	43
Солнце скрылось за крышей соседней	44
Какой он, к черту, нелюдим	45
От стыда не подняв головы	46
Итак, не будь упрям	47
Если время простить и проститься	48

Защита 1970 – 1972

Счастливым на дружбу до гроба	50
Андрей Данилов, превосходный парень	51
Открытие сезона – в сентябре	55
Мой неопознанный двойник	57
Прости меня город Орел	59
К чему твердить – одно из двух	60
Учитесь музыке	61
... Я посетил впервые	62
В грузинской церкви в Мцхети	64
Актер, пенявший на судьбу	66
Неси свой крест и веруй	67
Продается кларнет	68
Листвой завалило дороги	70
Мне снился странный сон	71
Пока татарка и грузин	73
Кругом брежня	74

Во сне еженедельных похорон.....	75
Висит чуть криво на стене.....	77
А мы в неведомые выси.....	78
Итак, одеты мы.....	79
Прекрасный дух	80
Горизонт заслонили хребты.....	81
Пока дрожит осенний Петроград.....	82
Царь Агамемнон.....	84

Единым духом 1972 – 1978

С чего бы в полуночный час	88
Оторопевший ротозей	89
Не промолвить бы ни звука	90
В зеленом и сонном Крыму.....	91
Твои скоротечные дни	93
Я живу, я не то чтобы жив.....	94
Заурядный осенний пейзаж	95
Вот не думал до сих пор ты	97
Коль жизни, кроме страха	98
Нам по Лиговке налево	99
Едва ты к щелочке приник	101
Корабль трехмачтовый в туземном порту.....	102
На все отпущен срок.....	103
Счастливые часов не наблюдают	104
Пред тем как медленно вспорхнуть	105
Реанимация – по-русски.....	106
Глядишь и на Урале	107
Зарю семнадцатого века.....	108
В неблагодарные года.....	110
Пускай об ангеле своем	111
Мир открывают все, кому не лень	112
В пространстве итальянского окна.....	113
Не верь, не верь в свою звезду.....	114

Зима, обшарив за окном	115
Когда менялась колея	116
Четыре музыканта сидят ко мне лицом.....	117
В лесу, до головы запорошенном	118

Пространство полотна 1978 – 1985

В неугомонной гонке	120
В неправде есть большая сила	121
Я хочу проснуться.....	122
Птолемей и Арсиноя.....	123
Одноместное купе.....	124
Бог весть, кому из нас двоих.....	125
Неблагодарная душа.....	126
Опять химеры.....	127
Шагал и Пикассо	128
Собрание людей до сорока.....	129
Без тебя одолела тоска.....	130
Как видим, дверь открыта	131
Не скули, мой друг любезный.....	132
«Слава богу!» - сказал государь.....	133
Судят вкривь или вкось	134
Порой привидится спросонок	135
Один знакомый мне старик.....	136
Не заглядываем в святцы	137
Семейным портретом Ван-Дейка	138
Святой Лука, рисующий мадонну	139
Есть в Эрмитаже три лица	140
Российский живописец прибыл в Рим ...	141
Сын человеческий – господь	143
Не мной было сказано	144
Что, действительно, за притча	145
В этом мире окаянном	146
Не могу никак понять я	147

Чтобы выдержать нашу беду	148
Русский царь убит поляком	149
Не то чтобы живу	151
Если бы так случилось	152
Простой подсвечник на одну свечу	153
Голь на выдумки хитра	154
На то, как снег ложится	155
Автопортрет художника с женой	156
Князь Московский 1970	157

Подписано в печать 05 .08.2013г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать лазерная.
Усл. печ. л. 11,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 2768

Отпечатано в ООО «Издательство ”ЛЕМА”»
191014, Россия, Санкт-Петербург,
Ул. Жуковского, д.41, тел./факс: 401 01 74
e-mail: izd_lemma41@mail.ru
<http://www.lemmaprint.ru>